

Алексей ЛИВАНОВ

г. Петрозаводск

2003, июль

Заместитель директора по воспитательной и внеклассной работе, а в лето — начальник оздоровительно-трудового лагеря «Романтик» Глафира Степановна Матюшкина встретила Диванова без энтузиазма и даже с заметным раздражением. Он не сразу и понял причину — никогда никаких трений с «замшей» у него не возникало.

Такая сложилась традиция: Юрий Викентьевич брал разорванный отпуск. Половину его — в начале июня, затем выходил на службу на две недели, поскольку дачами, ягодо-грибами обременен не был, и догуливал до конца августа. И в то время, когда учителя возвращались из отпусков с выпотрошенными кошельками, в его лопатнике что-то позвякивало. В итоге это не имело значения — за август начислялось меньше, но вносило ощущение растянутости времени.

— Нет у меня и полставки воспитателя, — совсем не дружелюбно сказала ГСМ — так аббревиатурно называли Глафиру Степановну.

— Ничего, я беса погоняю, — улыбнулся Юрий Викентьевич.

— Ну, гонять мы вам никого не дадим, разве только футбольный мяч с детьми.

«Конечно, не даст, — тоскливо подумал Диванов, — бухгалтерия за перерасход фонда заработной платы по волосам обычно не гладит, а делает начёты».

А по школе, то бишь лагерю, расползался скандал, и волны шли от заведующего зеленым цехом Александра Григорьевича Мальцева. Его крайне заинтересовало, куда ушли деньги от продажи зелени: укропа, сельдерея, петрушки и лука. Ранее он сам занимался реализацией витаминной продукции, но в этом году, чтобы не распылять средства, решили сосредоточить все источники в одних руках. И злоупотреблений меньше. Вопрос был задан не кулуарно, а на планерке.

— На детей, — отрезала Глафира Степановна. — Куда же еще?

— А конкретнее?

Продолжение. Начало в № 9-10 2010 г.

СПЕЦУХА

ХРОНИКА ВНЕКЛАССНЫХ СОБЫТИЙ

— На походы. Мы на водопад ездили, на базу отдыха завода, экскурсии по городу...

— Насколько я информирован, — Александр Григорьевич провел рукой по заблестевшей лысине, — деньги на эти мероприятия выделили спонсоры. Сколько у нас их было? А их вливания где-нибудь учитывались? И мы с вами в мае составили договор, по которому деньги с теплицы и приусадебного участка должны были распределиться иначе.

— Вы завтра ко мне зайдите, — Глафира Степановна от праведного негодования раскраснелась. — Я вам все документально покажу.

— А почему не сейчас?

— Сегодня мне некогда!

С начальством ругаться — против ветра плевать. Редкий человек мог возразить директору или его заму по воспитательной. Александр Григорьевич мог.

У каждого за долгие годы работы на одном месте накапливается отрицательный баланс, и умный начальник умело им пользуется: собирает, анализирует и в нужный момент предъявляет. Вот, мол, ты какой-сякой, а ерепенишься. Олег Дмитриевич был умным начальником.

Но у Александра Григорьевича этого минусового баланса не было. Кандидат биологических наук, он знал своё дело на ять, много экспериментировал, не курил, не пил, и детишки-шалунишки от него не бегали.

Впрочем, один минусок всё же был: зеленщик время от времени выходил на больничный. Что-то с ливером у него было не все в порядке. По сим поводам была заброшена научная работа, и он целиком посвятил себя земле, ковыряться в которой было его истинным наслаждением. Но не принято на Руси болезных с работы гнать, если только он (болезный) никому дорогу не пересекает. Да и закон не дает. До определенного рубежа. А Александр Григорьевич не то что его не переступал, он даже не приближался к нему.

Обо всём этом Юрий Викентьевич узнал поздно, на третий день после выхода на работу. На проходной.

О, проходная! Как не пропеть тебе аллилуйю! В тебя, как в отстойник, стекает и достоверная информация, и сплетни, и домыслы, и прожекты. Еще мысль не дозрела в голове директора, а на проходной уже знают, кого воз-

высят и приблизят, а кого унижат в положении и (что важнее) зарплате.

Александр Григорьевич кроме основной работы имел еще полставки воспитателя.

— Глафира Степановна! — вскричал Юрий Викентьевич. — Это получается, что я Александра Григорьевича подсидел?

— Не вы, так кто-нибудь другой, — спокойно резонировала Матюшкина. — Тем более, у вас всего две недели. А наш уважаемый заведующий зеленым цехом последнее время неважно себя чувствует, ему тяжело тащить две повозки.

Диванов позвонил подсиженному.

— Не бери в голову, старик, — прогудел в ухо Мальцев. — Это реакция на мое выступление. Мы еще поглядим, кого как. Так что не комплексуй — я все равно на бюллетене. И сенька за звонок. Приятно сознавать, что не до конца перевелись порядочные люди.

На лето осталось двадцать восемь воспитанников, разделённых на четыре отряда. Остальные были в отпусках. Кто-то на все лето, кто-то на две недели — зависело от заслуг различного толка. Юрия Викентьевича определили на «Корсар» к Валюшке Завьяловой — молодой, но хваткой воспитательнице. Отряды на лето формировались разновозрастные — последний осколок дивановской педагогической политики.

— Ой, как я рада, Юрий Викентьевич, хоть немного поработать с вами, — улыбочатой скороговоркой пропела она. — А то надоел Алексаша — всё брюзжит и брюзжит.

Валентина Ивановна проходила педпрактику у Диванова. Так, без полета мысли, но усердная девица. «Вот и смена», — горько подумал тогда он и попытался вложить в нее свой взгляд на историю — не как на догму, а — науку.

Происходила крутая смена поколений в воспитательском клане. Из старых, с кем начинал Юрий Викентьевич, осталась только Галина Павловна — давно уже в пенсионном возрасте. И куда ей деньжищи — огромные тыщи? Инсульт пережила, думали всё — укатали Сивку крутые горки! Ан нет — оклемалась, вернулась и снова бомбила одна на отряде. И что её держат? После инсульта — речь невнятна, зубные протезы то и дело выпадают, говорит нервно, движения замедленны. Не иначе — чем-то зацепила директора.

А новые, молодые, страха перед начальством не ведавшие, внесли в педагогику новую струю — пофигизм.

— За такие деньги, — не выходя из берегов, говорила Анжела Викторовна, — пусть Ванька подзаборный занимается творческой работой. А мы отсторожили смену — да и ладно.

Воспитанники приняли Юрия Викентьевича сдержанно — отношения с Алексашей у них были раскрепасные.

— Вот что, господа юнкера, я к вам на две недели, пока Александр Григорьевич болеет, поэтому ничего отменять и нового вводить не буду.

Лед если и не растаял, то заметно истончился.

— А в город будем выходить? — спросил Влад.

— Все входы-выходы по общелагерному плану, — Юрию Викентьевичу никак не хотелось брать на себя хоть малейшую инициативу. И тем более — ответственность. Он — работник временный.

— А с Александр Григоричем выходили и без лагеря, — протянул хитроватый Рома.

— Поживем — увидим.

День стоял на редкость жаркий: за тридцать поднялся столбик термометра. Спаситься можно было только в воде, но до обеда — хозяйственные работы на территории школы.

После линейки к Диванову подошел Макс Федосеев.

— Юрькентьич, сегодня ко мне должен отец прийти. Вы меня найдете? Ко мне еще никто не приходил. Позовёте, а?

— Не дрейфь, найду, позову, сведу. И сам с удовольствием с Петром, как его по отчеству? Как не знаешь? Деда как звали? Ну, да все равно. Хочу встретиться.

У Диванова разобрали всех детишек, и он прохладился в игровой у телевизора, изредка выходя на проходную покурить.

Телевизор вскоре наскучил, на проходной — Стас Железняк, с ним поговорить не о чем — он всё знает. С человеком, знающим всё, разговаривать неинтересно. Но делать нечего.

— Ты чего это в день? — спросил нейтрально, лишь бы не показаться невежливым.

— Одного дневного уволили, теперь мы по очереди дверь сторожим.

— Соболезную.

— Давай, Юрок, к нам. Ты вроде как любил днем здесь посидеть. Хоть на полставки.

— Чёрт его знает! Может, и придется к вам проситься. В сентябре видно будет.

Чтобы спастись от пекла, временно исполняющий обязанности воспитателя зашел в тень разлапистого тополя, ничуть не изнывавшего от жары. А у Диванова рубашка уже пропиталась потом, и никакой old men здесь бы не помог.

Рядом проревел и заглох какой-то большегруз. Диванов раздвинул ветки: перед ним стоял самосвал «КамаЗ». Открылась дверь, и из кабины легко выпрыгнул довольно упитанный мужчина лет тридцати — тридцати пяти. Высокий, плечистый — эдакий Сталлоне российского пошиба.

Что-то отдаленно знакомое почудилось в лице шофёра, и Диванов вышел из тени.

— Юрий Викентьевич! — раскинул руки водитель, словно хотел обнять. — Как я рад вас видеть! Что, не узнаете?

— Подожди, подожди, не называйся. Говори что-нибудь...

— Что говорить? Вот приехал...

— Титов? — неуверенно проговорил Юрий Викентьевич. — Неужели ты? Как переменялся! Сколько же лет пролетело?

— Точно, Титов, а лет прошло восемнадцать.

— И ты ни разу за все годы не навестил родную школу?

— Родной мне она так и не стала, — погрузнел Гера. — Много неприятностей связано с ней.

— Заматерел. Вот в какого мужика вымахал. Пойдем на проходную, там прохладнее.

— У меня бутылка минералки в холодильнике. Хотите?

— Тащи.

Стас Геру не узнал. Даже когда он представился. Но сделал вид.

Юрий Викентьевич выпил полстакана «Полуостров».

— На самом деле в машине холодильник? — удивился он.

— Сам купил.

— Неплохо зарабатываешь?

— Хватает.

Характером Титов почти не переменялся: всё то же довольство собой и легкий налет высокомерия.

— Я слышал, — вмешался в разговор Стас Железняк, — ты подсел ненадолго после школы.

Ничего он не слышал, а расчёт был прост: во-

семьдесят процентов выпускников в течение года оказывались на зоне.

— Не знаю, кто вам, Станислав Михайлович, наговорил, но с ментами делов у меня не было, — Гера трижды изобразил плевков через левое плечо. — Я, как вернулся в посёлок, — не знал, куда себя деть. На работу не берут — пятнадцать лет, в родимую школу — ни за какие «сникерсы». Хорошо, отец мотоцикл купил, «макаку», ну, «Минск», и пристроил в школу в посёлок Лесной. Это в десяти километрах от нас. С осени до весны два года туда откатал. Ничего. Десятый закончил. Четыре месяца у отца на стройке отпахал, деньжат подкопил. А тут в армию забрали. В ВДВ. После службы закончил автодорогу, ну, техникум. Поработал механиком в дорожном управлении, а тут перестройка, бардак, кинулся в бизнес — прогорел — не мой профиль. Теперь вот шоферу. Тяжеловато, смена двенадцать часов, накрутишься до угара, но заработок приличный.

— Сколько же? — не удержался Стас.

— Меньше восемнадцати штук не бывает.

Стас присвистнул.

— Мне полгода горбатиться надо.

— Горбатиться — сильно сказано, — ухмыльнулся Диванов. — Вот он — горбатится. Вкальывает. По Сеньке и шапка. Помнишь анекдот? Сын спрашивает у отца:

— Папа, если тебя выгонят из милиции, где будешь работать?

— В пожарке.

— А если из пожарки?

— В спецшколе.

— А если оттуда?

— Ну, что пристал! Всё равно работать не буду.

Стас ухмыльнулся, а Гера захохотал.

— Хочешь по школе пройтись? — спросил Юрий Викентьевич.

— Хочу, — экс-воспитанник встал решительно.

— Ирина Павловна еще работает?

— Петровна. Нет, на пенсии. Из старых воспитателей твоего времени осталась только Галина Павловна. Учителей новых немного, может быть, пяти-шести не знаешь. Я тоже давно не воспитатель. Учю помаленьку чему-нибудь и как-нибудь. В мастерских — все новые. Руководство, — Диванов как-то уныло улыбнулся, — тоже свежее.

— Пацанов хватает?

— Нет. Больше шестидесяти не наскребывается. Сейчас — двадцать восемь. В отпусках сколько-то. Сокращают нас потихоньку.

— А как наши? Ну, из отряда. Где они?

— Лёшка Дураев сел через три месяца после выпуска. Мотоциклы для него маловаты стали, угнал иномарку, разбил, получил полтора года. Сейчас авторемонт занимается и гоняет свою машину. Крутая тачка. Как-то он подвозил меня до дома — блеск. Фофан наматал десять лет за бутылку водки. С такими же отморозками, как он, двух старичков убили да еще звезды ножом на спинах вырезали, подонки.

— Он же всегда был тупой и еще тупее.

— Ремень убит. Он в охране какого-то авторитета был. Заходил в школу — весь в перстнях и цепях, спрашивал, чем помочь может. Не успел помочь — попал в перестрелку, пуля в печень, был — и нету. Сашка Нарыльский — молодец — универ закончил, физмат. В компьютерном центре деньги огребает. Нам помогает и техникой, и программами. Кто ещё? Ах, да! Петька Федосеев сегодня должен прийти. У них династия: сынок его делает работу над ошибками отца. За что? Набор обыкновенный: бросил школу, воровал. Петька только в прошлом году освободился. За грабёж сидел. Сейчас то ли образумился, то ли не попадаетеся. Вы вроде дружбанамы были?

— Немножко корефанились. И если я кого и вспоминаю с благодарностью, то это вас и его. Не дали меня забить до смерти. Ещё Силаева (так, кажется?) из мастерских. Значит, он уже не работает?

— Персональный пенсионер спецшкольного значения. С Галиной Павловной не хочешь встретиться? Она, должно быть, на этаже — костюмчики, рубашечки, ботиночки. Помнишь, её отряд всегда был одет с иголочки?

— Не хочу я с ней встречаться. Сейчас, конечно, по барабану, но тогда я её ненавидел. Ведь знала, что меня почти каждый вечер рихтуют, но ничего не сделала. Сука.

— Это ты напрасно, — они прошли по учебному корпусу и возвращались аллеей. — Ненависть — чувство сильное и разъедающее. Оно может быть кратковременно направлено против сильных людей, поскольку против слабых сгодятся и похилее чувства, иначе начнет яз-

вить самого носителя. А Галина Павловна — женщина слабая и закомплексованная. Просто прикрывается маской жесткости. И не только: у нее с десятков масок на разные случаи жизни.

— Мне пора, Юрий Викентьевич. Экскаватор, пожалуй, уже починили. Рад, что с вами повидался. Запишите номер моей трубы, пусть Петя позвонит. И вы звоните, если что.

Детей Диванову сдали за час до обеда.

— Давайте в футбол поиграем, — предложил Илюха Петров.

Этот может гонять мяч сутками.

Юрий Викентьевич поморщился: солнце работало в полную мощь своих термоводородов.

— Жарко, — возразил Рома, командир лагеря. — Лучше в спальне посидим, там клёвее.

И пошёл, словно воспитателя в радиусе десяти километров в помине не было. За ним потянулись остальные.

Не стал Юрий Викентьевич ставить на место командира. Да и не идти же на самом деле на стадион. Там пацаны хотя бы разденутся, а ему оголяться по статусу не положено. В крайнем случае, на рубашке тройку пуговиц расстегнуть. Король только в Дании может быть голым.

После обеда прошелестел освежающий слух: лагерь идет на пляж. К Диванову с сахарной миной подплыла Глафира Степановна.

— Юрий Викентьевич, — почти умоляюще пропела она, — у нас Николай Егорович опять на стакан сел, второй день на работу не выходит. Возьмите на себя его обязанности. Я вам смену лишнюю поставлю.

Николай Егорович Колесов — крутой запойщик и по совместительству — спортивный организатор. Или наоборот. Раза три-четыре в год он входил в затяжной штопор на неделю, иногда — две. Диванов все поражался, насколько были противоположны эти два человека: Колесов запивший и Николай Егорович трезвый. Первый — занудливый, ко всем цепляющийся, нацеленный на кулачный бой, второй — отзывчивый, готовый всегда прийти на помощь и предельно вежливый. Третьего директора переживал спорторг, и все они терпели Колесову болезнь, поскольку знали: через неделю мужик отойдет, а далее будет землю рыть, безотказен, как японская техника.

Конечно, смена лишняя не повредит, но и ответственность наваливается немалая — постоянно быть начеку, следить, чтоб спецшкольные ангелочки за буи не заплывали да друг друга, гоняя беса, не ушибли, не притопили. И от солнечных нокаутов оберегать. И хоть медсестра со скорой аптечкой рядом, но отвечать всё едино ему.хлопотно всё это.

— Если вы не согласитесь, поход придется отменить, — последний аргумент начальницы лагеря весом, как пневматический молот.

— Воспитатели с отрядами идут? — уточнил Диванов.

— Трое, считая и вас. Галина Павловна остаётся. Сердце, гипертония...

— Н-да, — не нашел чем возразить Юрий Викентьевич. — Что ж? Если партия говорит надо, комсомол отвечает — есть.

А тут еще подбежал лисой Максим Федосеев.

— Юрий Викентьевич, оставьте меня в школе. Отец ведь должен прийти.

— Не знаю, кто тебя возьмет. Пойдем к Станиславу Михайловичу, если он тебя приютит, я возражать не буду.

Но Железняку такая обуза ни к чему. Самый кайф, когда на территории ни одной детской души. И взрослой тоже.

Диванова осенило:

— Пойдем к Галине Павловне.

— Нет-нет! — вскричала она. — У меня масса дел.

— Ну, тогда решаем так, — голос Диванова стал жестким. — Или вы идете со своим отрядом на пляж, или с радостью берете под ваше уютное крылышко этого отрока.

— Дорогой мой Юрий Викентьевич, — едва не всплакнула Галина Павловна, — у меня сегодня давление.

— Выходите на больничный.

Верный тон выбрал Диванов. На просьбу реакция была бы иной, но перед жесткостью ветеран беззаветного служения воспитанию невоспитуемых обычно пасовала. А взять больничный лист — равносильно заявлению об уходе.

— Так берёте Федосеева?

— Ради вас, только ради вас, — пытается оставить последнее слово за собой, но Диванову эти ходы до фонаря. Важен результат.

— Ты отцу скажи, пусть меня подождет, если сможет, — обратился он к Максиму.

— Жаловаться будете?

— Делать мне больше нечего. Просто хочу со своим бывшим воспитанником поговорить.

— Батя в спецухе учился? — неподдельно изумился Макс.

— Ты не знал? — Диванов понял, что свершил бестактность: отец мог и не афишировать династичность ситуации.

Вода была теплой. Разомлевшие от жары волны лениво набегали на песок. Народу было — пропасть, и затеряться в этом Вавилоне труда не составляло. Впрочем, при желании удрать можно было и по дороге на пляж — она проходила частью густым лесом.

Диванов определил участок пляжа, за который выходить возбранялось, и закрепил за Валюшей левую границу, за Анжеликой Викторовой — правую, хотя и знал, что все эти фиксажи напрасны: постоят минут с пяток и двинутся подальше от детских пытливых глаз — разоблачиться и окунуться. Но для красивого отчёта в случае побега — сгодится.

Не распуская сводный отряд, Юрий Викентьевич прохрипел в мегафон:

— Граждане отдыхающие! Рядом со мной находится группа воспитанников спецшколы для малолетних преступников. Прошу присмотреть за деньгами и ценными вещами.

Реакция была ожидаемой: вокруг них в мгновение ока образовался вакуум. Диванов назначил своими помощниками Рому и Влада, определил, кто и в какую очередь будет охранять мегафон, спасательный круг и аптечку, и скомандовал:

— Разойдись! Только в рамках отведенных границ! Шаг влево, шаг вправо — считается побегом, за непослушание — расстрел.

От двадцати семи одновременно плюхнувшихся в залив тел кругами пошли модели цунами. Буи, во всяком случае, закачались.

Не очень любивший подолгу находиться в моче, чуть разбавленной озерной водой, Юрий Викентьевич тем не менее минут пятнадцать проплавал по линии буев, а когда почувствовал, что достаточно охладился, вышел на берег, попрыгал, вытряхивая воду из ушей, и взобрался на высокий обломок скалы, отку-

да открывался весь застолбленный им кусок пляжа и залива.

Стрелки часов зафиксировали шестнадцать. Солнце, готовое извиниться за дневную жестокость вечерней лаской, уже не обжигало.

Пока все складывалось благополучно.

«Ещё час — и буду собирать», — решил Диванов.

Но собирать пришлось раньше.

— Юрий Викентьевич! — кричал, подбегая к скале, Илюха Петров. — Вас там какой-то дядька ищет.

Диванов осторожно сполз с наблюдательного пункта и пошел за воспитанником, а им навстречу уже катился Колобок в плавках. Именно, катился, поскольку его высота и ширина были примерно одинаковы.

— Вы руководитель этой шпаны? — неожиданно приятным баритоном спросил Колобок.

— Я, — с достоинством, насколько возможным на пляже, ответил Диванов. — Только не шпаны, а детей... с девиантным поведением.

Юрий Викентьевич еще не очень уверенно произносил это новомодное словечко.

— Каким?

— Ну-у, не умищающимся в привычные рамки обывателя. В чем проблема? — спросил и узнал Колобка. Это же Вилен Грицевич! Актер Музыкального театра! Заслуженный! А может быть, уже и народный? Давно в театре не был: и время, и цены.

— Простите, забыл ваше отчество. Вилен...

— У артиста нет отчества, но есть отчество! — Актер он и на пляже актер. — Исакович, если угодно. А вы театрал?

— Всё реже и реже, но ваши роли забыть невозможно, настолько они яркие. Так в чем проблема?

— У меня украли сотовый.

— А почему вы думаете, что это мои славные детишки напаскудили? Это мог сделать кто угодно, — Диванов развел руками, как бы приглашая к разборке всех отдыхающих. — Но мы проверим.

Он взял мегафон и протрубил:

— Роман Алексеевич Костин! Соберите ребят. Соберите ребят.

Собирались нехотя. Ясное дело: кому охота возвращаться в постылую конюшню с вольного выпаса. Только Рома был до каменности невозмутим — положение обязывало.

– Это и есть Роман Алексеич? – хихикнул Грицевич.

– Рекомендую: командир школы.

– Юрий Викентьевич, – протянул Влад. – До ужина еще два часа.

– Всем одеться! – приказал Диванов. – И постройся.

Одевались не медленно, а оскорбительно медленно. Минут десять ушло. Но Юрий Викентьевич не дергался, а внимал рассуждениям Вилена Исаковича о репертуаре нового театрального сезона.

– А где наши дамы? – Диванов вспомнил о Насте Валерьевне и Анжеле Викторовне. – Илюха, сходи пошукай.

Наконец-то построились.

– Сейчас мы пройдем метров сто пятьдесят, – шепнул пинкертон актёру, – и там произведём досмотр. А вы пока здесь постоитте. Я вас кликну.

Грицевич кивнул, и они тепло попрощались, с чувством пожав друг другу руки.

«И я становлюсь артистом», – весело подумал Юрий Викентьевич.

Лагерь прошел гораздо более ста метров, когда задержался один из новеньких, имени которого Диванов еще не выучил.

– Юрий Викентьевич, я тетрис забыл.

– Лагерь, стой! Одна нога здесь – другая там! Бегом! Влад, посмотри, чтобы новенький дорожку не перепутал.

Вернулся растеряха через пару минут.

– Быстро, молодец, – похвалил Диванов. – Нашел тетрис?

– Не-а, наверно, украли.

– Ну и ладно, невелика потеря, достанешь ещё, – Юрий Викентьевич подошел вплотную. – Тебя как зовут?

– Сява.

– Ну, Сява так Сява. Чем не имя? Давай соловый.

– Чего? – растерялся новичок.

– Телефон давай! – Юрий Викентьевич так рывкнул, что Сява от страха присел.

– Какой... Нету...

– Раздевайся! Быстро!

Из шорт выпал телефон.

– Вилен Исакович! – крикнул сыскарь-обшественник.

– Я уже здесь, – из придорожных кустов выкатился Колобок.

– Ваш?

– Мой, мой! Подарок дочери на день рождения. Этим и дорог. И не только этим – самому-то мне такую машинку не купить.

– Вот сей малый как узнал, что свершил каверзу над народным артистом, устыдился и решил вернуть.

– Спасибо, молодой человек, у вас еще не все потеряно. А вам, Юрочка, моя визитка, позвоните в середине сентября, я вам контрамарочки устрою. Да... И вот ещё, – перешёл на шёпот, – я не народный...

– Самый что ни на есть народный, – уверил артиста.

Простились ещё раз. Диванов с тоской смотрел вслед. Вот и он в тираже, а как был знаменит в шестидесятые-семидесятые! Чего стоил князь в «Графе Люксембург»! Ходили не на спектакль, а на него. Эх, судьбы человеческие! «Я – бог! Я – червь».

– Значит, так, господа юнкера. Николай Егорович болеет, и от желанья моей левой ноги зависят ваши походы на пляж. Ещё один такой прокол, и вы закрыты. Усекли?

Сява прилетел первый тычок.

«Вечером бить будут, – решил Юрий Викентьевич. – И поделом».

А Петька Федосеев его не дождался.

1979, октябрь

День учителя банкетили в кабинете географии. Праздники в школе отмечали раздольно. Обычно собирался весь коллектив, но это торжество – кастовое, а посему – драбантов за дверь. Технические работники за бортом. Не сразу приняли и режимников, и тем пришлось доказывать, что они по статусу – педагоги. Но самым весомым был не этот аргумент: учителя и воспитатели по преимуществу – женщины, и необходимость разбавить компанию мужчинами напрашивалась сама собой.

Входили по одному и группками, но витала общая скованность. Только директор и два его зама были вальняжны.

Диванов чувствовал себя отвратительно. Он

утром сменился с суточного дежурства. Нанервничался и не выспался. День минувший прошел и так и сяк, а с вечера началось. Сначала позвонил Фролов с просьбой разрешить ему задержаться на полчаса. Вежливый и, на сто пудов, пьяненький. Явился он около двадцати трёх, долго и путано объяснял причину задержки, но Юрий Викентьевич, наученный накопленным опытом, отправил работничка от греха подальше домой. Бережёного бережёт Господь.

— Если никто не заметит твоего отсутствия — смену я тебе поставлю. Мужикам откатишь. А нет — разбирайся с Гусевым.

— Я же — ничего, я — нормалёк, — попытался собрать себя в кучу Фролов. — Отработаю, как штык.

— Давай, давай, — решительно подтолкнул его к выходу Диванов. — Ещё успеешь на последний автобус, а нет — тачку возьми.

Умёлся один — припёрся другой. Саня Кувалдин около полуночи ввалился на проходную, гоня перед собой крутую волну перегара.

— Викентьич! — закричал он с порога. — Я тебя знаешь как уважаю? Ты настоящий мужик! Фрол еще не приходил?

— Устин Акимыч! Где это ты так нализалси? — Диванову стало нервически весело. — Вроде бы трезвый пришел.

— Всё нормалёк, Викентьич! Мужики в койках, ребятки бдят. То есть наоборот. А Фрол-то чо, не приходил?

— Был твой Фрол. Никакой. В мумину. Я его домой отправил.

— Ты-ы? Домой? — Кувалдин разочаровался. — Он же спиртяги должен был принести. Не оставлял?

— Не видел я у него ничего, — ответил Диванов, хотя и не был в этом уверен. — Иди, Санчо, в постельку. Есть где спать?

— Да мне Фрол нужен! — закричал Кувалдин. — Мы же с ним сговорились! Он меня не звал?

Диванов начал выходить из берегов. Вот тоже какая натура: мог и сам выпить иногда, немного, не на работе, но по трезвости пьяных терпеть не мог. На дух не выносил. По всем канонам он должен был отправить Саню домой, но второго — это уже перебор, да и куда он пойдет?

— Ты хочешь, чтобы я и тебя от работы отстранил? — ночной директор школы перешел на

громкий шепот. — Я из-за вас уже имел головную боль, мало? Так давай поделим её пополам.

Давно замечено: шёпот в ответ на крик действует парализующе. Или отрезвляюще.

— Ладно, Викентьич, ладно. Ухожу.

Кто постарше из режимников, называли Диванова Юрком, помоложе — Викентьичем. И то, и другое раздражало.

Кувалдин ушел, но остались нервозность и беспокойство. Сна — ни в одном глазу. Умная книга не читалась. Мысли проскакивали, не держиваясь, и не фиксировались.

Задремал он только под утро — вполглаза, вполуха.

Вот поэтому, сидя среди возбуждающихся коллег, Юрий Викентьевич чувствовал себя не совсем комфортно.

Командовал застольем Хаджи Саидович, и получалось это у него вполне профессионально. В кабинет географии мягкими дурманящими волнами вливался восточный колорит.

— Мужчины, наливайте женщинам. Они у нас очень стеснительные. Милые дамы, не жалейте закусок для кавалеров — им потребуются силы. Слово для первого тоста предоставляется нашему дорогому Сергей Сергеичу.

Каратаев встал, державно приосанился, поднял на уровень груди стопку с водкой и сказал:

— Уважаемые коллеги! На торжественной части я уже высказался, но кое-что повторю. Вы делаете все, чтобы наших подопечных наставить на путь истинный. Нелегкая стоит перед нами задача, я бы даже сказал — невыполнимая, но мы с ней справляемся. Я не буду сейчас выделять кого-то особо. Спасибо вам всем. Огромное директорское спасибо.

В своём докладе часом раньше Сергей Сергеевич уже раздал всем по заслугам и преданности... делу. Диванову, может быть, еще от того было неуютно, что не отметили его. Железняк отметили, его — нет. Граббе ценный подарок вручили — «Избранное» Некрасова, ему — нет. И не то чтобы Юрий Викентьевич был излишне честолюбив, просто чувствовал он себя как бы обойденным на царском пиршестве. А впрочем, за какие заслуги?

Между тем скованность, присущая старту каждого застолья, постепенно проходила. Нарастал

шум разговоров, поначалу более или менее общих, но со временем распадающихся на локальные. И тогда Ростислав Неронов — любимец публики — брал аккордеон, и восточные ароматы в кабинете географии сменялись интернациональными мелодиями, и трочка пар выходила на узкое пространство и танцевала либо шейк, либо романтическое танго.

Рядом с Дивановым сидела секретарша Лариса — единственная, на которую можно было положить глаз. Юрий Викентьевич не был ловеласом — он любил женщин. И семейный уклад с первых месяцев не сложился. «Узок круг жёнинных интересов, страшно далека она от мужа», — к месту и не к месту мысленно повторял Диванов. И вообще, в этом вопросе он никогда не виноватился — гораздо приятнее в разладе винить другую часть свою.

— Потанцуем? — предложил Юрий Викентьевич, когда Неронов вновь взялся за инструмент.

— Отчего нет? — игриво ответила Лариса. — Только предупреждаю: Сережа очень ревнивый.

Диванов не сразу понял, что речь идет о директоре.

— Сергей Сергеевич ваш, — он попытался найти нейтральное слово, — ваш визави?

— Нет, он не мой любовник, хоть многие так думают, — Лариса рассмеялась, и смех её был вкусным и рассыпчатым, а Юрий Викентьевич раскрыл рот от неожиданной откровенности-раскрепощенности. — Ты смотрел «Собаку на сене»? С Каратаева списано.

Юрий Викентьевич понял, что за столом все на «ты», и от этого стало легко. Усталость и раздражение уходили.

Танцевала девушка легко, говорила неприужденно.

— На следующий танец пригласи Ирину Петровну, — предложила она. — Женщина одинокая, но отзывчивая. Её порадуешь, и Серёга успокоится.

Диванова передёрнуло: у него с Бадаевой случилось несколько стычек, когда он подхалтуривал на отряде. Она в Кольке Морозове души не чаяла, он был её сынком, а Юрию Викентьевичу в пречистых морозовских глазах всегда чудился вагонный туалет. Впрочем, может быть, он просто предвзято относился к воспитаннику.

Без всякого энтузиазма пригласил он даму на танец, но Ирина Петровна оказалась на редкость пластична.

— Вы великолепно танцуете, — бескомплиментно сказал он, пытаясь скрыть удивление.

— Дела давно минувших дней. По юности ходила на бальные танцы. Ты тоже хорошо танцуешь.

На них смотрели.

Диванову внезапно причудилось, что вокруг все очень милые люди, что это не просто коллеги — семья, круг единомышленников и единоподчиненников. Он решился на тост.

— Я еще очень немного (за малолетством) знаю работу и всех вас, — обвел кофейной чашкой с водкой круг, — но очень рад сотрудничеству с вами. Мной сделано немало ошибок, думаю, будут ещё (кто от них застрахован?), однако с вашей помощью я надеюсь избавиться от них. Если я в чём-то не прав, пусть меня поправят старшие товарищи, даже если они моложе меня возрастом. Учебе всегда рад. За всех вас, за дружный коллектив.

Компания дружно заплодировала, и польщенный Диванов, стоя, по-гусарски выпил и сел.

Вскоре аккордеон устал. Забарабанил магнитофон. Неугомимая Полина Ветрухина повытаскивала всех на «Летку-енку».

«На неё тоже можно глаз положить», — решил Диванов. Сейчас он любил всех.

Назавтра оказалось, что Юрий Викентьевич объяснился в любви Ирине, Ларисе и Поле.

— Остальным вы просто не успели, — подсмеиваясь, рассказала через день Лариса Антоновна.

Диванов удивленно отметил, что они снова на «вы».

Очнулся он за полночь в полнейшем одиночестве на автобусной остановке. Было нехорошо. Автобусы не ходили. Метро закрыто, в такси не содют. Оставались два варианта: тащиться домой через весь город или вернуться в школу. Второй оказался родней.

За старшего почему-то был Евгений Александрович.

— Замерз я, гражданин начальник, — постукивая зубами, сказал Диванов. — Можно, я на проходной до утра перекантуюсь?

— Что с тобой делать? Кантуйся, — было заметно, что Гусев постояльцу не очень обрадовался. — Ну, ты и нализался на банкете. К моей пассивности под юбку лез.

Насчет юбки Диванов сильно засомневался. Не в его стиле.

— Не может быть, Евгений Александрович! А кто ваша пассивность? Это не из любопытства, а чтобы второй раз на грабли не наступить. Полина Алексеевна? Вот бы не подумал, но у вас хороший вкус, — голос всё ещё предательски не слушался хозяина.

— Ладно, не паникуй. Прими вот наркомовские для сугреву, — Евгений Александрович вынес из комнаты отдыха полстакана. — Живи.

— Есть что-нибудь понюхать?

— Держи. Сырок «Дружба». Сечёшь?

— А как же?

Диванов выпил и рухнул в кресло времён очковских.

— Спасли... Ну, спаси и вас аллах. А вы за кого на смене?

— Да хватит тебе выкаты — второй год вместе работаем. За себя. И помалкивай в тряпочку.

— Слушаюсь, гражданин начальник. Разрешите отбыть?

— Посиди, если хочешь.

— Спать хочу.

— Валяй и до утра не просыпайся. Усёк?

— А как же! Извиняйте, товарищ полковник, ежели что не так. Удаляюсь. — Диванов подвижным умом соображал, что неспроста за кого-то (вспоминал, за кого, и вспомнить не мог) встал на вахту Евгений Александрович и неспроста гонит его отдыхать: знать, ещё встреча предстоит. Романтическая.

А Диванов за такую встречу студента строгача схлопотал. Не за то отец сына бил, что украл, а за то, что попался.

Проснулся, как в армии, — в шесть утра. Голова соображала ясно. За стеной карантинной комнаты слышался женский голос.

Диванов приподнял сапог и уронил. Немного выждал и закашлялся. За стеной всё стихло.

«Сегодня выходной — пора на зимнюю квартиру, — подумал Диванов. — А что я Вике скажу?»

Ничего путного на ум не приходило. Нет ничего честнее правды. Или полуправды. Рассказывай как есть. А детали никому не интересны.

Евгений Александрович сидел за столом и заполнял строевки.

— Выспался, алконавт? У тебя на эту ночь какие перспективы?

— Никаких вроде.

— Выйди, будь другом, в ночь. Вместо Фролова. Он как бы на больничном, — Гусев испытующе посмотрел на Диванова.

Тот и бровью не повел.

— Я с толстым удовольствием, но завтра — моя смена. Длинный кусок получится — тридцать шесть часов.

— Молодой, вытянешь.

Просьба начальника — редко не приказ.

— Выйду, — ответил Диванов и направился к автобусу.

От вчерашней эйфории не осталось и следа. Все опять на «вы». Ирина Петровна и совсем — ходит, поджав губы. Только Полина Ветрухина и секретарша так и остались на упрощенных отношениях.

— Ты один на коллектив? — удивилась Полина Алексеевна, когда Диванов поднялся на коллектив принимать детей.

— Кувалдин со мной. Он на телефоне, сейчас подойдет.

Саня от вчерашнего не отскочил, видимо, подлечился и сейчас на проходной ждал ухода воспитателей. Из администрации, на его счастье, уже никого не было. Суббота.

— Лежим по коечкам смиренно, режим, та-та-та, гигиена, — повторял Диванов, обходя спальни и пересчитывая воспитанников, слышанную где-то строчку.

Все на месте. Воспитатели (скорей-быстрей) расписались в журнале и — бегом. Двери — на замок. Ключ — в карман.

— Юрий Викентьевич, — из спальни вышел Борька Михеев, — футбол по телеку.

— Футбол — дело святое, но давай рапорты для начала посмотрим.

— Я и так знаю, — ещё бы командир не знал. — Трое наказаны. Пять благодарностей.

— Командуй.

Вечерняя жизнь коллектива не совсем вписывалась в режим. В двадцать один тридцать — отбой по форме. Но обыкновенно актив и отличившиеся засиживались у телевизора, нака-

занные — до блеска натерли туалеты с умы-
валками, кто-то умудрялся почитать под туск-
лым светом ночника.

Через полчаса — стук в дверь. Полминуты — и в
игровой никого. Все спят и видят розовые сны.
Диванов неторопливо открыл. Саня Кувалдин.
На глазок — еще причастился, но вид сносный.

— Всё в порядке? — спросил он шёпотом.

— А как же! — ответил Диванов.

Пацаны тенями вернулись на свои места.

— Как насчёт чайку? — всё так же шёпотом
предложил напарник.

— Я позже. После футбола.

Второй тайм посмотреть не удалось. Санчо
хлебнул не только чаю и вышел из воспитательс-
кой не совсем уверенной походкой. Прищури-
в один глаз, он с минуту пялился на экран, но иг-
ра, вероятно, ему не показалась.

— Не умеют наши играть, — сказал он весомо.

Из туалета вышел на третий раз его перемиывав-
ший Чувырлин и опасно посмотрел на коман-
дира. Тот, в свою очередь, — на Диванова.

Юрий Викентьевич махнул рукой, мол, доста-
точно, пусть в люльку кочует.

— Ты чо, Чувырло, опять прокозился? — крик-
нул Кувалдин. — Ну-ка, босьяк, к ноге!

Воспитанник, почесывая стриженую голову,
подошел и остановился в опасливом отдалении.

— Докладывай!

— С русичкой поцапался.

— С кем?

— С Эммой Рудольфовной...

Диванов слушал вполуха. С Эммой Дудке-
вич он бы тоже поцапался. Янусиха. На губах
по виду — мёд, а на деле — яд. Однажды с ней
схлестнулся и — достаточно. Поймал он как-то
пацана за предезким занятием: тот здоровен-
ный кусок хлеба футболил. Отряд, полдник
приняв, возвращался с Эммой Рудольфовной
в арьергарде. Диванов вандала остановил, зас-
тавил хлеб подобрать и съесть. Пацан поупи-
рался, но Диванов пообещал весь отряд нака-
зать, и хлеб, слегка подмоченный и посолен-
ный слезами, был съеден.

— Вы молодец! Как же я-то не заметила, — зах-
лопотала Дудкевич. — Я его еще больше накажу.

Что она наплела директору и заведующей
здравпунктом, неизвестно, но получил Диванов
замечание за антисанитарию. Понятно: упреж-

дающий удар, предполагала, что Диванов на нее
накляузничает.

— Теперь я тебя накажу, — есть такая категория
режимников, воспитательский зуд которых воз-
растает с количеством принятого на грудь. — Де-
сять шелбанов. Иди сюда!

Чувырлин подошёл и покорно склонил голову.

— Раз... два... три... Уклонился — два добавоч-
ных. Четыре... три...

Обычно, если один режимник ведёт воспита-
тельный процесс, другой не вмешивается, но Ку-
валдина понесло.

— Александр Маркович, хватит с него. Он уже
на туалете намаялся. Отпустите душу на покая-
ние, — пытался перевести стрелку на запасный
путь Юрий Викентьевич.

— Нет! Я научу его дерзить уважаемым людям!

И когда это Санчо зауважал Эмму?

Под шумок Чувырлин убежал.

— Ты что-то про чаёк намекал? Или мне пока-
залось?

— Пошли, — Чувырлин был забыт.

— Боб! — крикнул Диванов. — Порядок — за то-
бой. Головой, давно не стриженной, отвечаешь.

Командирам можно было отрастить волосы на
пару сантиметров до первого прокола.

— Будьте спок, Юрий Викентьевич, отдохайте,
— в голосе командира чувствовалась всё понима-
ющая ухмылка.

В воспитательской пахло вином.

— Ты что пьешь такое вонючее? «Солнцедар»?

Им, говорят, в Америке негров травят, а во
Франции заборы красят.

— Нет. «Вермут», — икнул Кувалдин.

— Итальянский? — иронизировал Юрий Ви-
кентьевич.

— Наш, — с гордостью не принял иронии Саня.

Пить Диванову никак не хотелось, но и отпу-
скачь без поводка Санчо было нельзя. Скандал. А
впрочем, старший отвечает за внутреннее состо-
яние ночных, сегодня там новенький, Ваня Ко-
валь, пусть учится.

Стакан вермута был выпит как лекарство и тут
же запит и заеден.

— Ты, Викентьич, еще собаку на этой работе не
съел. Пить боишься, пацанов боишься... А они
не всех закладывают. Выборочно. Меня нипочем
не вложат. Учись у меня...

Речь «учителя» становилась невнятной. Чему

учиться, Диванов так и не понял, поскольку Санчо откинулся в кресле и захрапел.

Теперь можно было спокойно поужинать.

На работе Юрий Викентьевич прилично чувствовал себя только в одиночестве. Ему не были даны качества начальника, командовать взрослыми он не умел и не хотел. Коллективная ответственность была ему непонятна.

Футбол закончился, пацаны разошлись по спальням. Он взялся было почитать, но не получилось: что-то подспудно угнетало и отвлекало.

1991, май

— **А**вгиевы конюшни! — вскричал Юрий Викентьевич. — Без Геракла не обойтись. Что, мужички, делать будем?

Мужички во главе со Славкой Стихеевым оторопело оглядывали свиное хозяйство. С пятницы здесь не убиралось. Чушки, Машки, Борьки — грязные до ушей, подняли такой ор — конец света.

— И не кормлены, — констатировал Диванов.

Все ясно: Аркаша был откомандирован за редкостного семени хряком, а без Аркашиного пригляда производство замерло на точке минусовой.

— Славка, — едва не всхлипнув, повторился Юрий Викентьевич, — что делать-то будем?

— Кашу варить! — зло бросил Стихеев. — И надо как-то транспортер запустить, руками говно не выгрести.

Воспитанник витиевато и грязно выругался, но Диванов на это внимания не обратил.

— Ладно, возьми двух пацанов — и кашу варить. Главное — не дать с голоду сдохнуть. Пусть грязные, но сытые. А я с остальными, — оглядел понурых, — приборкой займусь.

Он отправил троих убирать у супоросных, а сам отправился искать во что переодеться. Ему по случаю достали совсем недорогую джинсовую пару фирмы Lee, и он дорожил ею пуще, чем фраком для получения Нобелевской премии.

Нашел халат, почти не грязный, и резиновые сапоги, тоже сносные. Теперь бы найти пульт управления.

Разобраться в электрохозяйстве было сложно: провода и кабели тянулись беспорядочно,

было много времянок, но, выплясывая от транспортерного электромотора, он нашел кнопку пуска. А тут оторопь нашла, ступор какой-то, страх вселенский, словно он космический корабль пытается запустить. Стоял, подрагивая кожей, будто жеребец перед стартом, нажал. Даже зажмурился, ожидая катаклизма. Но лента тронулась.

— Живем, пацаны! — крикнул Диванов.

— Их бы еще помыть, — сказал невесть откуда взявшийся Стихеев. — Высохнут — потом не отдерешь.

И опять поразила Юрия Викентьевича сельская хозяйственная хватка Славки, но ответил строго:

— Ты кашу почему не варишь?

— А все уже на мази. Через час готова будет. Только не знаю, где витамины. Были в мешке у котлов, теперь нету.

— С ними завтра разберемся. Кто-нибудь да объявится. А насчет помыть... ведрами не натаскаемся.

— Там на кухне шланги. Много. Не знаю, как вода. Не холодная ли? Еще простынут, не будут в весе прибавлять.

Стояла пора цветения черемухи, и погоды установились холодные, сырые. Даже воздух был напитан водой.

— Пойдем, проверим.

Оказалось, можно пустить воду через бойлер.

Уже пришел автобус, а работа еще продолжалась. Водитель поворчал, мол, ему за переработку не платят и за такие гроши пусть пьяный ёжик возит, но эта буркотня была дежурной и внимания не привлекала. Никуда он не уедет и детей в двадцати пяти километрах от города не бросит. А поворчать? Пусть ворчит, может, ему от этого легче становится.

— Все, ребята, шабаш. Блеск наведем завтра. Молодцы. Славно потрудились. Спасибо от голодающей Родины.

А Родина голодала. Не вся, конечно, встречались в ее пустынях и благодатные оазисы. Что-то стоящее купить всегда было сложно, а теперь стало трудно и достать. Предприимчивые дельцы, будущие миллионеры — капитаны и лоцманы грядущего капитализма — зажимали все, что можно было зажать, и на прилавках магазинов от бескормицы вешались мыши.

Дефицит по большей части создавался искусственно, а беспомощная власть то ли не хотела, то ли не умела исправить положение. Еще одной валютой стал его величество Талон.

— Спасибо в кармане не звенит, Юрий Викентьевич, — почти запанибрата ответил Марат Литвинов, всегда соблюдавший дистанцию.

Ну и что же? Совместный труд сближает.

— Держите, заслужили, — Юрий Викентьевич протянул пачку «Примы». — Да не тебе, Марат. Славка, возьми, но чтобы все по-честному.

Подарок воистину царский: табачок, как и все ходовое, шел по талонам — четыре пачки в месяц. Диванов еще выкручивался: талоны давали и на грудничков, и на старичков. Вместе с жениными, материнскими и дитятскими выходило шестнадцать пачек, и при известной экономии жить-курить можно было. Плюс его одноклассник работал начальником ЖЭУ и сидел на талонах.

Экс-директор Сергей Сергеевич, к которому у подвала при наличии свободной минутки он спускался покурить, скручивал из тонких листов гуманитарной Библии почти изящные сигарки, нафаршированные табаком из найденных окурков, и жаловался.

— Я-то что! А жену мне нестерпимо жалко. Истерики. Особенно по утрам. Рыщет по лестничным площадкам и автобусным остановкам, принесет в пакетике бычков и сушит на сковородке. Я ей сверну штучки три-четыре — успокоится. Нет, ты только представь: начальник отдела конструкторского бюро собирает окурки! До чего же нас довели!

Диванов по возможности подкидывал своему бывшему начальнику никотинной забавы, но обеспечить по полной программе, естественно, не мог.

Детское курение в школе претерпело ошеломляющую метаморфозу. То, за что вчера наказывали, и даже карцером, сегодня разрешалось в специально отведенных местах и в определенное время. Демократизация, ядри её пополам! Умеют в России все перевернуть с ног на голову. Прежним директорам такое и в мрачном сне бы не явилось.

Николай Иванович по сути не был демокра-

том — он играл в него. Да и кто его знает — что такое демократ? Несколько поездок в капиталистическую страну за призрачным опытом перекрутили его и без того не очень толковые представления о педагогике.

Юрий Викентьевич дважды ездил в эти заграничные командировки и даже принимал забугорных гостей у себя на квартире. Он любил об этом при случае рассказывать.

— Естественно, комиссия. Во все углы заглянули, головами покачали. Ясное дело — очень советский, очень средний быт. Привезли ковер, кое-что из посуды, новенький холодильник «Бирюса-6». Сказали, если оплачу, то могут оставить. От ковра и посуды я по нищете своей отказался, а за холодильник заплатил.

Угощал он сухозаконных гостей водочкой «Посольской» и сигаретами «Кент», закуски на столе были почти дармовые и редких пород, Ростислав Семенович старательно раздувал меха аккордеона — вечер получился примечательный. Западные ребята оказались людьми простыми, не чванились, и только когда «Кент» закончился, а Юрий Викентьевич достал пачку сигарет «Друг», с фильтром, конечно же, один затянулся, откашлялся и, снисходя, одобрительно сказал: «О, макорка! О' кей!»

Тогда, кажется, впервые его жена была угодливо рада гостям, радушно потчевала и все просила мужа перевести им, как она довольна и даже счастлива. И шестилетнего Викентия подключила: он во весь голос прокричал английское стихотворение, чем вызвал волну фальшивого восторга.

Из всех этих контактов Диванов вынес одно маленькое, но очень твердое убеждение: строить нашу исправительную школу по их образцу нельзя. У них двадцать воспитанников — у нас двести. У нас трехметровый забор — у них никакого. Их дети свободно выходят в город — наши и под конвоем нечасто.

Поскольку блики шведского стола и отрядов из пяти-шести человек нам не светят еще лет сто пятьдесят, то и вывезли из-за бугра только то, что разрешила таможня, — свободу табакокурения.

Диванов почти со всеми расплевался, дважды выступил на педсоветах, но оказался в ничтожном меньшинстве.

— А-а, пропади все пропадом! — однажды в сердцах воскликнул он. — Помяните мое слово, с этого начнется развал школы.

Но что рыдать по волосам, коль голова снята? Что может значить раздрай школы в сравнении с рассыпанием страны?

Лисин принял доклад Юрия Викентьевича с раздражением.

— Я что-то не так сделал? — удивился новоявленный свинарь.

— Вы сделали все правильно, Юрий Викентьевич, но нельзя было оставлять детей без ужина. И потом эти сигареты?

«Уже стукнули, — подумал Диванов. — Кто?»

Ответа не нашел, да и не искал особо. Какое-то дурацкое решение было принято администрацией: курить воспитанникам можно, а давать им курево нельзя. Если только на их деньги. И взрослым курить на территории школы воспрещено. И сложилась параноидальная ситуация: дети смолили в открытую, взрослые прятались по углам.

Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят.

— Они поужинали, Николай Иванович. А сигареты? Я думаю, пацаны заслужили — труд был каторжный.

Диванов ввел директора в затруднение. Аркашу следовало наказать, но ему по известным всем причинам делать этого не хотелось. Он не любил принимать решений, особенно — карающих, отдав это право на откуп своим заместителям. Аркадий Дормидонтович подчинялся ему напрямую.

— Спасибо вам, Юрий Викентьевич, — особо тепла в начальственном голосе не чувлось. — Ваше усердие я отмечу в приказе. С Аркашей — разберусь.

— Я написал докладную, в которой прошу поощрить всех воспитанников, — Диванов протянул листок.

— Непременно, — и опять ответ прозвучал скорбно.

Нехорошее предчувствие кольнуло Диванова. Что-то темное творилось на свиноферме, но что именно — дальше догадок не шло.

На другой день к приезду спецшкольников

свинарник блестел. Аркаша, по обыкновению, расхаживал гоголем.

— Выгнал я этих разгильдяев, — как бы мимоходом бросил он Диванову. — Не заслужили моего высокого доверия.

Юрий Викентьевич пожал плечами: твое, мол, дело

— Нет, ты послушай, — Аркаша едва не обиделся на диваново равнодушие. — Пятый день мои соколики вдрабадан! Сколько можно? Я двух бабусек взял. Теперь порядок.

«В нынешние времена и на ягусек положиться нельзя», — уныло срезюмировал Диванов, но промолчал.

Ни звука не произнес Аркаша о геройском труде вчерашнем. Лавры почетного гражданина спецшколы № 88 рассыпались. Может быть, поэтому и настроение было унылым?

Работы в этот день было немного — женщины по первому дню усердствовали. На улице моросило, и мысли полежать на травке отпали сами собой. Пацаны трепались в кормоцехе, а Диванов расположился в Аркашином кабинете, благо, хозяин укатил на своей «девятке» в город.

«Откуда у людей деньги на такие машины?» — с тоской подумал он, вспомнив свой дышащий на ладан «Запорожец», еще от отца оставшийся.

На начальственном столе кроме дюжины газет «Спид-инфо» ничего не было, и Диванов лениво перелистывал одну из них.

— Интересуетесь? — услышал он голос Стихеева и вздрогнул как мальчишка, пойманный на подглядывании за девочками в туалете.

— Здесь больше ничего нет, — заоправдывался, чувствуя, что краснеет. Этого только не хватало.

А Славка на газету и внимания не обратил.

— Я понял. Вам, Юрий Викентьевич, очень хочется в сейф заглянуть. Хотите, открою? Легко!

— Да ты с ума сошел! — неподдельно возмутился Диванов.

1979, ноябрь

Хаджи Саидович пригласил Диванова на доверительную беседу. Мамедов сидел в высоком и широком кресле, руки на столе, взгляд мимо, голос усталый. Было в нем нечто, заста-

вившее Юрия Викентьевича пристальнее всмотреться в монументального кавказца. Впервые уловила в его глазах какая-то мысль. «Что мы знаем друг о друге? — горечно подумал Диванов. — Что происходит за внешне благополучной оболочкой? Какие процессы бродят? Щемит же иногда сердце и душа ранится...» И опять же впервые шевельнулось в Диванове сочувствие, если оно вообще возможно по отношению к начальству.

Рядом с монументом, плечом в сейф, примостился Федор Ильич. Этот был бодр, смотрел на Диванова с нескрываемым иронизмом, как бы говоря, мол, ты хитрым себя считаешь, а сам прозрачный, как пустой стакан.

— Ну, вот. Собрались. Три историка.

Юрий Викентьевич поразился, но вида не подал, принял как очевидное. Слышал краем уха, что у Михайлова заочный исторический, но, припоминая слова, кажется, американского президента Никсона, где он сравнивал заочное обучение с заочным питанием, всерьез его историком не считал. А что Хаджи педагог, ему и в голову не приходило. Неисповедимы пути господни. Поди, купил диплом. У них на югах там все покупается.

Диванов никак не мог взять в толк, зачем это он, работник не их службы, понадобился, но Мамедов карты открывать не торопился, а Михайлов и вовсе помалкивал, что было необычно.

— Как ваша наука? — голос вроде бы участливый, но глаза равнодушные. Ритуальный вопрос.

— По-разному.

— Читал я вашу статейку о Христе. Любопытно. И даже очень смело. Вы на самом деле думаете, что это была мощная историческая фигура, вершившая судьбами народов?

— До сих пор вершащая, — усмехнулся Диванов. Хоть он и сидел на жестком стуле, но чувствовал себя раскрепощенно.

— Смело, смело. Не боитесь?

— Чего?

— Оставим, — вдруг без обиняков переменял тему Мамедов. — Я к вам давно присматриваюсь и никак не могу определить: вы наш или не наш?

— В смысле?

— Самом прямом. Все работники, дорогой, делятся на две категории: одни живут школой, другие отработывают. Вот Федор Ильич — живет,

ваш Соломенников, скажем, отработывает...

Диванова забавлял кавказский акцент зама по воспитательной, он даже улыбнулся, но тут же пригасил улыбку.

— Вероятно, я еще не настолько влился в коллектив, чтобы почувствовать себя, — Юрий Викентьевич повыбирал подходящее слово, — членом семьи. Я, к сожалению, все еще учусь.

— Вот, вот, — очнулся Федор Ильич, — это мы и имели в виду, когда приглашали для разговора. Пора определяться. Гусев о вас хорошего мнения, говорит как о человеке надежном, режимники уважают, с пацанами есть контакт, а вот где вы душой — непонятно. Надо определяться. Причалить к какому-нибудь берегу. Жизнь заставляет.

— Я что-то никак не пойму, к чему вы клоните?

Мамедов с Михайловым переглянулись. То ли на самом деле не понимает вьюнош, то ли прикидывается китайским болванчиком. Диванов чувствовал себя в идиотской ситуации: объясняют прописные истины, а он ни в зуб ногой. Пикантное положение. Вероятно, он должен принять сторону одного из внутришкольных лагерей, но ему неясны ни расстановка сил, ни задачи, ни даже разница между этими идейными оппонентами. Кто против кого? Мамедов против Каратаева? Оба против Карины Ильичны? Черт ногу сломит, а для дела ни малейшей пользы.

— Ладно, — разрушил паузу Хаджи Саидович, — об этом позже как-нибудь. Мы с Федором Ильичом решили, что школе нужен свой Нестор. Нам уже пять лет, накопили кой-какой опыт, настало время все собрать, обобщить и проанализировать. Федор Ильич у нас ветеран, все знает. Он снабдит вас нужными документами и личными впечатлениями. За мной будет общее руководство. Согласны?

Диванов задумался. Предложение было неожиданным, но, с одной стороны, заманчивым. Нет лучше способа познать школу, как через ступени ее развития. Кому, если не историку, это знать. С другой стороны, работа предполагалась рутинная, скорее всего, скучная и отвлекающая от основной. Пять лет — возраст пустячный, больших противоречий в оценке событий возникнуть не должно, но обязательно проявится тенденциозность. Чья роль была наипервейшей?

Кто играл первую скрипку? Трения возникнут всенепременно. И еще одно стало ясно Диванову: писать будет он, а венец лавровый уже примеряет Мамедов. Вон как лучится лицо, словно История уже подписана в печать, а на обложке золотом тиснена его фамилия. Федор Ильич непритязателен и сделает все по желанию своего начальника-друга. Да и верно: не трактор пашет, но тракторист. А как откажешься? Нажить себе врага такой весовой категории в начале карьеры — пиши пропало.

— Я двумя руками за, — получилось излишне порывисто, и поправился, — но не уверен, хватит ли сил, времени и способностей. Работа нешуточная, кропотливая, предполагает множество встреч с настоящими и бывшими работниками, выпускниками, а критиков полный коллектив, и у каждого свое видение истории и проблем школы...

— Сложности, конечно, есть, — перебил его Михайлов, — но не боги горшки обжигают, как говорили древние греки. Я думаю, втроем мы этот воз вытащим. У меня подготовлен пакет документов, имеется ящик писем воспитанников и их родителей. Вам неплохо было бы собрать воспоминания ветеранов школы. Сложнее будет с министерскими документами, но и этот вопрос утрясется, Хаджи Саидович, я думаю, решит проблему.

Мамедов с важностью кивнул головой.

— Что ж. Спасибо за доверие, — Диванов встал, полагая, что разговор окончен. — Постараюсь его оправдать.

— Не торопитесь, дорогой, присядьте, — Мамедов открыл сейф и вынул из его чрева пузатую бутылку болгарской «Плиски». — По русскому обычаю — за хорошее начало.

«По русскому!» — усмехнулся Юрий Викентьевич, рассматривая однозвездочный напиток, а вслух сказал:

— Я на смене.

— Ничего, — добродушничал Хаджи Саидович, — рюмка для джигита только на пользу.

— Извините, Хаджи Саидович, но у меня жесткое правило: на службе ни-ни. Я и после службы не большой любитель.

— Хорошее правило, — спрятал улыбку Мамедов. — Ладно, идите. И не затягивайте работу. Энергичное начало — уже полдела.

— Скользкий тип, — раздраженно сказал, едва за Дивановым закрылась дверь. И было с чего раздражаться: не сработал его излюбленный прием привязать к себе человека его же недостатком.

— Обломаем, — сильно окая, отозвался старший воспитатель. — У нас-то нет такого жесткого правила, — добавил он, с тоской глядя на исчезающую в сейфе «Плиску».

— Не думаю, что этот Кушетков наступит директору, но остеречься надо. Каратай спит и видит меня свалить.

2003, январь

К компьютерным играм прибавились игровые автоматы. Незаметно истаяли Максовы тысячи, и он теперь со стороны наблюдал за игроками. На играх наблюдателей недолго терпят, подозревая в них криминальную мелюзгу, и вскоре мальчишку стали изгонять отовсюду.

Максим клянчил деньги у отца, но больше десяти рублей на завтрак выпросить не мог.

— Зачем тебе деньги? — удивлялся отец. — На хаванье у тебя есть. На сигареты? Рано еще курить! Я в твои годы примерным пацаном был. Смолить начал на свои заработанные.

А что такое чирик? Два металлических пятерика, редко-редко приносящих небольшую грудку собратьев-близнецов.

Он шлялся по рынку и супермаркетам в надежде на удачу, но понимал, что такие выигрыши, как в октябре, каждый день не выпадают.

Макс не помнил, сколько времени он не ходил в школу. Может быть, недели три, но, пожалуй, больше. Это первый шаг сделать тяжело, а потом... Он не знал, что потом, но уже после первого прогула ноги к школе не несли. Не только игры, но и страх поворачивали ступни в другую сторону. Наверно, недели четыре. Там же еще каникулы были, они не в счет. Значит, две. Или меньше. Всё равно надо было что-то решать: Верка-сердючка могла домой заявиться, и тогда быть беде.

Чтобы оттянуть час неминуемой расплаты (мороз крупной дрожью пробегал по коже), он два дня походил на занятия.

— Вера Васильевна, — сказал Максим, глядя прямо в глаза учителю, — я болел.

— Ладно, садись. Освобождение принёс?
— Дома забыл. Думал, в рюкзаке. В классе проверил — нет.

— Завтра не забудь, — Сердючка была неправдоподобно добра.

Назавтра оказалось, что справка потеряна, но мама обещала сходить в поликлинику и принести другую.

Уроки оказались трудными. Макс мало что понимал, и ему было скучно. Казалось, что и буквы забыты. Одна радость — рисование. Там у него получалось лучше всех. Изошка всегда хвалила его работы и говорила о каком-то творческом зерне.

На четвертом уроке второго дня Макс прикинулся больным и был отпущен с урока.

Поход на рынок принес пятьдесят рублей. Похмельный мужичок запихивал в лопатник сдачу, руки дрожали, а деньги не вкладывались. Федос как будто поскользнулся, упал в ноги, мужичок, поругиваясь, помог ему подняться и даже отряхнул.

— Извините, — пробормотал Максим, — сколько.

— Держись осторожнее, малыш.

А малыш уже хромал к выходу и затерялся в толпе.

После игр в клубе у него еще оставалась десятка, тут же разменянная на две пятерки. И опять ему повезло: он выиграл двести рублей и долго решал: продолжить игру или вернуться к компьютерам. Выбрал, было, первое, но, проиграв сороковник, направился в клуб. Домой вернулся поздно и на вопрос матери, где шлялся, ответил:

— Занятия были дополнительные.

— Я тебе сейчас устрою занятия! — из спальни вышел громогласный отец с намотанным на руку ремнем.

Макс не успел снять куртку, и удар был почти неощутимым, но он на всякий случай захныкал:

— За что? Что я сделал? — хотя уже каждой клеточкой чувствовал, что разоблачение свершилось.

— Я тебе покажу что! — отцов ремень просвистел еще раза три и неожиданно успокоился.

Макс удивленно открыл глаза и увидел между собой и отцом мать. Она зло и в упор смотрела на мужа и кричала:

— Ты чего его лупцуешь? Ты его кормил? Ты его воспитывал?

Отец вытаращил глаза, что-то хотел сказать, но не нашел что и ушел в спальню, основательно хватив дверью.

Мать не выдержала и заплакала.

— Сведете вы меня в могилу, ироды. Ну, что вы творите, ведь одна останусь. Голодный, поди, пойдём на кухню.

— Чего папа накинулся? — спросил, уминая котлету с картошкой. — Опять, что ли, пьяный?

— Нет, — вздохнула мать, — не пьяный. Вера Васильевна приходила навестить больного. Вона бананов принесла.

Кусок застрял в горле. Закашлялся, схватил стакан с молоком, глотнул, поперхнулся и выбежал в туалет.

Вернулся с глазами, полными слез. То ли от кашля, то ли от стыда. Сел и, глядя в протертую до отсутствия рисунка клеенку на столе, спросил, хоть и знал ответ.

— Что говорила-то?

— Все и рассказала. И как ты учишься, и сколько прогулял. Что ж ты обманываешь всех?

Отец расчихался и тоже привалил на кухню. Оседлал табурет, ехидно поинтересовался:

— Жратва в глотку не идет? Ну-ну. Курс наук завершил? Три класса и четыре коридора? Профессор! Расписываться и считать деньги научился, недоумок? И где болтался целыми днями?

— На компьютере играл, — неожиданно для себя признался Максим.

— Деньги откуда?

— На рынке выигрывал, на колонке.

— Все время и выигрывал? — было видно, что отец не верит ему, но это его проблемы. Пусть думает, что хочет.

— Везло.

— На этом, сынок, твое везение закончилось. Теперь ты днем и ночью под колпаком будешь. И чтобы в школу. Завтра же. Я с тобой пойду. Сам переговорю. С кем? Да хоть с директором.

Отец никогда не говорил с ним на фене. Макс даже удивлялся: ничего такого, ни пальцев врасстыпыр, ни тонкой полуулыбки. Как учитель. И одевался хорошо, но по-простому.

К директору пришлось идти обоим.

Людмила Ивановна сесть предложила только отцу и, не глядя на него, долго выговарива-

ла Макс, а на попытки Федосеева-старшего внести в разговор коррективы внимания не обращала.

— В любом случае, — завершила она, — вопрос будет решаться на педсовете. И прошу тебя, Максим, быть готовым к тому, что тебя могут обвинить в краже денег у Юлочки Свиридовой.

— Я? У Юльки? Деньги? — бессвязно выкрикивал Макс, и его круглые глаза наполнились влагой.

— Я не говорила, что это сделал ты. У девочки пропали деньги, когда ты внезапно заболел и ушел с урока. Но не будем об этом. Иди в класс, а мы с твоим папой еще поговорим.

Умел Петр Федосеев быть обходительным и убедительным. Он рассказал Людмиле Ивановне о своем нелегком детстве, об ошибках молодости, о перестройке, оставившей его без работы. Слегка коснулся лагеря и Бога и заверил не успевшую слова сказать директрису в том, что не даст сыну повторить его ошибок, добавив при этом как бы вскользь, что Максим просто не мог украсть. Расстались они вполне дружелюбно.

В классе все сложилось драматичнее.

— Юлька! Ты думаешь, я у тебя деньги украл? — с порога, ни с кем не поздоровавшись, крикнул спросил Макс. — Сдурела?

Юлечка опустила голову и покраснела.

— Я не думаю, — прошептала она, и этот шепот в оцепеневшем классе прозвучал огромно и отчетливо.

Но Вера Васильевна уже нашлась.

— Ты пришел учиться или разбираться? Если учиться — садись, разбираться — придешь на педсовет.

— Толян, — обратился Макс к Букину, — кто пустил мульку, что я украл? Юлька?

— Молчать! — Вера Васильевна ударила классным журналом по столу. — Продолжаем урок, а ты, Федосеев, не мешай!

Максим развернулся и выскочил из класса. Юленька Свиридова побежала догонять его, успев крикнуть на ходу:

— Эх, вы!

И непонятно было: относился упрек к Верке-сердючке, классу или всему миру — Макс и Юля еще в детском саду поклялись в вечной любви.

— Тебя Сердючка послала? — выкрикнул Макс. — Не вернусь!

— Никто не посылал, я сама убежала, — тихо ответила Юля, всхлипнула и робко посмотрела на него.

Они помолчали. Было холодно.

— Иди в класс, — уже успокоившись, сказал Максим. — Вона, дрожишь вся.

— Не пойду, — а после недолгого молчания, — я знаю, кто у меня деньги украл — Толька Букин.

— Бука? — не поверил Максим, но, минуту поразмышляв, согласился:

— Мог. Ну, падла! Я ему так не оставлю. А ты чего молчала?

— Он сказал, что приберет меня.

Федосеев растерялся. Он не знал, на что решиться: уже нельзя было сделать вид, что ничего не произошло, а Бука сильнее его. И кто Юльку за язык тянул?

— Ты точно знаешь, что он?

Юля кивнула головой.

— Сама видела?

— Не-а. Машка Законова. Толька был дежурным, а она в класс заскочила, а он в рюкзаке моем ковырялся, а ещё наорал на нее.

— Иди в класс. Не надо, чтобы тебе за меня влетело. С Букой я разберусь. Иди и не дергайся.

— Не связывайся с ним, он тебя излупит.

— Меня-а? — Макс передернул худыми плечами. — Мы еще посмотрим.

Он развернулся и быстро зашагал. Но не к дому, а на рынок. Уже было принято решение, и для его осуществления нужны были деньги. Разменял десятку на две пятерки, и автомат поглотил их, утробно звякнув. Непруха. На рынке было совсем немного народа. Продавщицы, укутанные в пуховые куртки и платки, попрыгивали и покупателей не зазывали.

Макс сделал два круга, сплюнул под ноги и поплелся домой. Больше некуда. Его скоропринятый план рухнул.

Пальцы рук и ног кололо, уши и щёки, прихваченные морозным ветерком, перестали ощущаться.

Отец, как ни странно, был дома, а собирался сразу от директорши отчалить на работу. Сидел перед телевизором и пил пиво.

— Ты чего так рано? — удивился родитель.

— А ты чего не на работе? — отгрызнулся Макс.

Федосеев-старший поперхнулся пивом — не ожидал такой дерзости от всегда смиренного чада.

— Хо! Ещё один контролер! Докладываю: взял отгул для обустройства личной жизни горячо любимого сына.

Издевался папаны.

— Что опять случилось? Рассказывай как на духу.

Максим вспомнил церковь — вздрогнул. И исповедался. Говорил долго, сумбурно. Отец слушал, не перебивая.

И так легко стало на Максовой душе, так просто, что захотелось плакать.

— Эту беду бобами разведу, — сказал отец присказкой бабы Тани. — С твоим приятелем биться не буду, сам с ним перетолкуешь. А я перемну с его предком. Или как там по-вашему — шнурком? Обидно. Да ладно. Мы с ним по молодости корешились. Ты — первый. Я — по результату.

Ближе к вечеру направился Макс к Буке. Приятель обнаружился на игровой площадке детского сада.

— Хочешь курнуть? — спросил Толян.

— Давай.

Оба забрались в игрушечный домик. Прикурили. Затянулись.

— Клёвые куришь, — как бы в сторону сказал Макс. — Откуда бабки на «Парламент»? Не из Юлькиного рюкзачка?

Бука сунул кулак под Максов нос.

— Это видел? А хоть оттуда? Тебе что?

— Зачем меня подставил? Зароют меня в спещу.

— Я тебя не подставлял. Сердючка завопила: это Федосеев, больше некому, я его знаю!

— А ты чего, не мог прикрыть?

— Это твои проблемы.

— Твои тоже.

— А чо мой? Ты же, друган, меня не вложишь?

— Если мы не сговоримся, мой батя сегодня с твоим базарить будет.

— Ты чо, дебил, дома всё рассказал? Ну, кранты!

Макс был готов к удару, ушел и ответил встречным. Куда-то попал. И пошел молотить кулачками. Силы мало — ярости много. Компенсировалось. Избушка маленькая — не вернуться, но маленькому Макс под стать, и

Толян сник. Не ожидал такого оборота, и из носа текла кровь.

— Ладно, погоди, — просипел Бука. — Договоримся.

Тяжело дыша, они вывалились на снег. Букин схватил пригоршню и приложил к носу.

— Где ты так драться наострился?

Макс удовлетворенно посмотрел на поверженного противника. Кровь остановилась, можно было вставать, но Бука продолжал лежать со снежком у носа.

— Батя научил, — соврал для весомости Максим.

Подошли пацаны, до того со стороны наблюдавшие за дракой, хоть и видно ничего не было: окошко маленькое.

— Чего не поделили? — спросил Зема — пятнадцатилетний здоровый парень. Он нигде не учился, не работал, но был всегда при бабках.

— Он ментам меня сдать хочет! — крикнул Толян и неожиданно бодро вскочил на ноги.

— Погоди, погоди, — урезонил его Зема. — Базарь толком.

— Да чего, снял я у его девки столярник, а он говорит: или колись, или ментуре сдам.

— Так? — Зема обернулся к Максусу.

— Не так, — и Федос рассказал свою версию.

— Кому-то из нас сдаваться надо, — закончил он.

— Никому, — ставит точку Зема. — Про тебя могут доказать, Федос? Нет. Про Буку, значит, могут. Но и ты, Букварь, в несознанку. А девке этой намекни, чтоб тухла. А лучше — верни ей денежку, и пусть она скажет, что затерялся столярник в рюкзачке-то, да вот нашёлся.

— А где я бабки возьму?

— Захочешь — найдёшь.

— Дак Федос, паскуда, папане всё рассказал!

— В натуре?

— Батяня только из зоны, он по понятиям вложить не может.

Через день у Юленьки Свиридовой в рюкзачке обнаружилась злосчастная сотня. Девочка заплакала и публично извинилась перед Букой. Но ей никто не поверил.

2003, август

Тревожный период шатаний и брожений. Вроде бы уже на работе, а работы еще нет. И нет полной ясности с нагрузкой. Да что там с нагрузкой: ползли коварные слухи о закрытии школы. Всеми фибрами чувствовались происки врагов: в стране катастрофически росла детская преступность, а спецшкола на грани закрытия. Впрочем, эти слухи змеились уже не первый год, можно было бы и отнестись к ним наплевательски, но трём учителям уже выдали уведомления о сокращении, не пропустил свистящий меч и другие службы — обстановка та еще.

Неронов и Диванов курили на проходной в ожидании педсовета, на котором дражайшее руководство обещало расставить точки над *i*.

— Предстоит грандиозное шоу, — сказал Ростислав Семёнович. — И на халяву.

— Да уж.

— Ты-то что-нибудь решил?

— После педсовета и решу. Меня Кожевников на кафедру тянет, но там, как ты городишь, работать надо. Да и оклад ненамного больше, и кандидатский минимум с моими заплесневелыми мозгами не сдать. Не знаю.

Чуть лукавил Юрий Викентьевич: не тянул его на кафедру однокашник, уже доктор наук, а так, намекнул, что, мол, почти твое время на дворе, пора возвращаться к науке.

— А Лидка что?

— Лидия Васильевна, — подчеркнул Диванов, — сказали, что нагрузку сделают, но не ясно на чем.

Они курили в коридорчике, поглядывая на раскрытые с обеих сторон двери, дабы вовремя вышвырнуть окурки.

Август моросил, оплакивая безнадежно сокращенных и жалея висевших на благосклонности администрации.

Олег Дмитриевич предстал в новом костюме цвета кофе с молоком, чем вызвал завистливый взгляд Диванова: он давно уже не менял свой гардероб.

— Уважаемые коллеги, с благополучным возвращением вас из отпусков, — и после едва заметной паузы и с усмешкой, — тех, кто вернулся. Надеюсь, все здоровы и полны творчес-

ких сил. Не возражаете, если мы начнем?

Возражений не последовало, но тишина, наполненная титаническим напряжением, ощущалась физически.

— Заслушаем отчет начальника летнего лагеря, нашей трудолюбивой Глафиры Степановны.

— Лучше бы сказал — горячо любимой, — шепнул Ростислав Семенович Диванову.

Любовная связь директора и его замши была секретом полишинеля. А чего их засуждать? Два не очень молодых свободных человека.

Самое ценное на всех школьных совещаниях — уметь слушать, ничего не слушая. Молодежь вечно нарывалась на замечания: то излишне громко переговариваются, то явно кроссворды разгадывают, то встречают не по делу. У профессионалов это получалось. Славянин доставал блокнот и рисовал шаржи. Не всегда дружеские. Со стороны получалось, что он конспектировал. Юрий Викентьевич схлестывал руки на груди и укреплял невидящий взгляд на маленькой красной трибуне. (Её лет пять собирались перекрасить.) Где витали его мысли в это время, он и сам был не в курсе.

Ничего интересного. Если заслушать прошлогодний доклад — то же самое. Может быть, цифры разнятся, но никому это не нужно.

— И в заключение — финансовый отчет, — добрались-таки до сознания слова Глафиры Степановны.

— Снимайте пенсне, Киса, сейчас начнется, — почти вгромь сказал Диванов, и на него заглядывались.

Понеслась цифирь: столько-то на питание, на спортивный инвентарь, на коллективные мероприятия.

— Глафира Степановна, — раздался голос Александра Григорьевича, — меня интересует судьба денег, вырученных от зеленого участка. Будьте любезны.

— Помолчите, господин Мальцев, — директор пришел на помощь подрастерявшейся Матюшкиной. — Глафира Степановна месяц назад уже показала вам доходы и расходы вашего... огорода. Чем вы недовольны?

— Всем, дорогой Олег Дмитриевич, — господин Мальцев подрагивающими пальцами вынул из папки бумаги.

— Оставьте, Александр Григорьевич, — пришла в себя Матюшкина. — Ваши расклады мы уже об-

судили. У нас еще масса нерешенных вопросов, прошу вас, если что-то неясно, давайте обсудим после педсовета.

— Нет, милейшая Глафира Степановна, — все еще спокойно прервал Александр Григорьевич. — Пусть коллектив узнает, куда текут денежки, заработанные детьми. И еще. Вчера я случайно узнал, что в лагере было протарифицировано пять отрядов. В наличии — четыре. Куда пошли две ставки?

Равнодушие рассосалось в две секунды. Улей растревоженный. Гром небесный. Лояльные возмущенно перешептывались, радикальные выкрикивали лозунги в поддержку бунтаря. Все смешалось в родимой спецшколе.

Диванов не узнавал директора: всегда выдержанный и спокойный, он на глазах багровел. На шее вздулись жилы.

— Да замолчи ты, старикашка несносный! Тебе давно пора на пенсию — половину рабочего времени на больничном!

— Я вам желаю всех моих болячек! — Мальцев тоже в крик. — Вы до них доживете, недолго ждать!

— А я тебе желаю, чтоб ты сдох скорее!

Миленькая интеллигентская пикировка кандидата биологических наук и филолога высшего разряда.

Директор выплеснул разряд праведного гнева и успокоился.

— Перерыв, коллеги, пятнадцать минут.

Мужская часть коллег потянулась на проходную — покурить да посудачить на заданную тему.

— Раньше чем к обеду не завершим, — констатировал Диванов.

— А куда торопиться? — спросил Ростислав Семенович. — Время рабочее, денежки капают.

На проходную ввалился, заполнив все свободное пространство, Хаджи Саидович Мамедов.

— Здравствуй, дорогой, здравствуй, — поприветствовал за руку Диванова, Неронова и Железняк. Остальным кивнул снисходительно: их он не знал.

Диванов не встречал бывшего начальника лет пятнадцать и поразился переменам в нем: глаза потускнели, говорил с одышкой, и даже появилась сутулость, невообразимая при его комплекции.

— В гараж заходил, — пояснил свое появление

Мамедов. — Дай, думаю, заскочу в школу по старой памяти. Что новенького?

Новеньким для него было все: воспитатели и воспитанники, условия работы и условия содержания. Старенькими были только корпуса.

— И сколько же у вас теперь воспитанников?

— Тридцать девять осталось после выпуска, — ответил Железняк.

Поражен Хаджи Саидович был необычайно. Он даже слова порастерял, говорил междометиями.

— А вы как? Не болеете? — решил переменить тему Диванов.

— Какое там! И диабет, и в прошлом году рак прооперировал, и давление — полный стариковский букет. Но работаю, работаю.

Заведовал он каким-то металлоскладом или чем-то в этом роде. Когда складских помещений не хватало — сдавал в аренду уличные площади: семнадцать рублей квадратный метр асфальта. Руководство не знало, как избавиться от огромных валунов на территории склада — Мамедов продал их финнам.

— Если бы я работал здесь, — развил хозяйственную мысль Хаджи Саидович, — я бы школьное здание закрыл и сдал в аренду. Спальни бы перенес на третий этаж спального корпуса, а на втором — учебные классы. Ладно, пошел, расстроили вы меня.

— Укатали Сивку крутые горки, — вздохнул Диванов. — Жаль старика.

— Чего их жалеть, черножопых? Они же все в городе похватали, всю торговлю.

— А кто нам мешал?

— Кончай ля-ля! Ты заметил, как наш Олежка изменился за последние три-четыре года?

— Он приятелем никогда и не был. И воспитателем держался особняком, и в замах по режиму. Может, с тобой пил на брудершафт?

Олег Дмитриевич — первый доморощенный директор. Он начинал здесь лет десять или чуть больше назад воспитателем. Им завершили почти ежегодную чехарду замы по режиму, а когда ушли Колю-Ваню, чертенком из табакерки выскочил в директора. Никто не ждал, не ожидал.

— На брудершафт не пил, а по-простому неоднократно выпивали-с. И были на ты. Теперь не смею. Забыл, забыл людей, которые во время оно отстояли его от увольнения.

История давняя, Дивановым полузабытая. Кем тогда папа работал? Воспитателем? Заком? Не важно. Вышел тогда из берегов Залетаев (сегодня не второй ли раз за всю историю?), побил воспитанника черенком лопаты, а тот — заяву в прокуратуру. Такие вот маргарины. Пьянил мозги озон демократии, и судьбу Олега Дмитриевича решал педсовет. По нынешним временам — роскошь невероятная. Перевесом в один голос Залетаев был оставлен в должности. Чей это был голос — его или Славянина — стоит ли об этом.

А Ростислав все сетовал: менялся, мол, от службы к службе. Хамелеон, а не начальник.

— Ты друг мне, Славянин, но истина дороже, — зафилософствовал Диванов. — С возвышением закономерно меняется психология, закономерно меняются отношения, закономерно убирается окружение, знавшее Олега другим. Как бы ни было это противно или печально. Иначе — какой он начальник. В этом отношении иметь командира из варягов куда как надежнее.

— Ты что, на его стороне? — удивился Неронов.

— Мы в состоянии войны? — вопрос на вопрос — излюбленный прием Диванова.

— А ты не понимаешь, что дни Олега сочтены? — перешел на шепот Ростислав Семенович. — Если Алексаша не остановится и дойдет до прокуратуры — хана ему. И коллектив злой: сокращения — его вина. Настя Валерьевна подала в суд: почему ее сократили, а Галину Павловну — пенсионерку — оставили. И я думаю, она выигрывает. Рухнет Олежка, помани мое слово.

— Сомневаюсь я. Подставит свою дорожную, не поморщится. Он летом в отпуске был — взятки гладки.

— Глашка не дура. Зачем ей одной тонуть? За собой потащит. Ладно, хватит ля-ля, пойдем с тарификацией разбираться.

Но разбора не получилось. Директор сухо сообщил, что школа сокращается до шести классов, по одному с четвертого по девятый, в котором пока два человека. Отрядов останется пять: восьмой и девятый объединяются. И на самом деле, не держать же на двух воспитанников два воспитателя. Сокращается количество кружков и факультативов.

— В регионе так упала детская преступность? — наивно спросила Анжела Викторовна.

— С этим вопросом — не ко мне.

— Нет, все-таки, что делает администрация для укомплектования школы?

— Анжела Викторовна, если вы не знаете, как комплектуется школа, обратитесь к Положению. Там все расписано.

В стародавние, былинные времена, когда отрядов было десять и в каждом — по двадцать, а то и больше воспитанников, детишки поступали по решению комиссий по делам несовершеннолетних. Поток был стабильным, и даже образовывалась очередь. Теперь — только по решению суда. А наш суд — самый гуманный в мире. И сложилась парадоксальная ситуация: только в городе официально насчитывалось около полутора тысяч бродяжек, еще столько же по региону, а в школе — тридцать девять. Споры нет, государству дешевле содержать пацанов по подвалам и чердакам.

— На этом мы завершим наши дебаты, — директор захлопнул журнал, заглянуть в который было бы ох как любопытно. — Вопросы нагрузки обсудят с вами руководители служб.

— Учителей попрошу остаться, — сквозь гвалт прокричала Лидия Васильевна. — Очень ненадолго.

Пересели кучнее. Директор ушел. Его проблема загруженности не трогала: одиннадцать часов и два — консультаций — куда с добром!

— Порадовать вас, коллеги, нечем, — уже спокойным голосом произнесла завуч. — Беспроблемно у Алены Геннадьевны — четвертый класс остается. Марина Зиновьевна и Екатерина Федоровна тоже могут спать спокойно — у них по восемнадцать часов.

— Это же нищета — жить на одну ставку! — вспыхнула Марина Зиновьевна. — У вас, небось, побольше выходит.

— А вы сдавайте хотя бы на тринадцатый разряд, поработайте у воспитателей на подменах. И научитесь не считать деньги в чужих кошельках.

Екатерина Федоровна помалкивала. Не сократили, и слава богу. Одной ставки, конечно, мало, но выкрутиться всегда можно. В прошлом году на репетиции три ученика было — добавка существенная.

— Что касается меня, — повысив голос, прервала возникший шум Лидия Васильевна, — то с нового две тысячи четвертого года, вероятно, сок-

ратят ставки завуча и заместителя по режиму содержания.

Аргумент тяжеловесный. Оппоненты заткнулись — все нищие.

— Сложнее дела у Юрия Викентьевича, Ростислава Семеновича и Сергея Сергеевича — их нагрузка на ставку не вытягивает. Галина Ивановна согласилась на ставку руководителя кружка. Она не столько юных живописцев будет пестовать, сколько заниматься оформлением школы. Сергею Сергеевичу администрация предлагает ставку спортивного организатора — Николая Егоровича придется увольнять.

— Обо мне не хлопочите, — впервые за педсовет раздался голос Каратаева. — Я подал заявление об увольнении.

Все уставились на учителя физкультуры. Если это не авантюра, то поступок: найти работу в смутное время дано не всем. У Сергея Сергеевича учительская пенсия, но прожить на нее можно, только соблюдая все посты. И еще свои устанавливая.

— Закрывается очередная страница истории школы, — раздумчиво произнес Юрий Викентьевич, и было не ясно — это сарказм или сожаление.

Покидали территорию школы группками не по клановой принадлежности, а по степени обиженности. И только Сергей Сергеевич шел один.

Диванову стало жаль бывшего директора. Ему остро вспомнились первые месяцы работы в школе, свои самоуверенность и неумелость. Только грубоватая поддержка Каратаева помогла тогда выстоять.

— По портвешку? — предложил Неронов.

— Давай к Сереге подтянемся? Госкливо, по-ди, мужику.

— Да ну его! С ним последнее время говорить невозможно — одно нытье: вот при мне было так, а сейчас...

— Какие планы на вечер, мальчишки? — послышался сзади голос Екатерины Федоровны.

Диванов сбросил ход.

— Уговариваю композитора устроить прощальный ужин для господина Каратаева. Где-нибудь в ресторане «Зеленый веник».

— Бр-р, — передернуло Екатерину Федоровну.

— Не погода — казнь египетская. Пойдемте ко мне. Салатик фирменный обещаю.

Ей, наверное, тоже было тоскливо.

1980, январь

В конце года по режимной службе прокатилась волна чисток. Не цунами, так, волнишка, но лишний мусор она вынесла. Началось все с прокурорской проверки, к которой подключилась и министерская. У всех вызвало подозрение поведение Ивана Коваля: он время от времени шушукался с молодой работницей прокуратуры. Стучит, решил коллектив. Но все оказалось проще — эта женщина была его женой, так что для стука у Ивана времени было предостаточно и вне школы.

А началось все с жалобы Коли Морозова. Как он переправил письмо, минуя все службы, осталось невыясненным. Суть ее была предельно проста: дежурный по режиму Александр Маркович Кувалдин регулярно приходит на службу пьяный и издевается над воспитанниками. Так четырнадцатого января, будучи в нетрезвом состоянии, построил коллектив в игровой комнате и заставил петь «В лесу родилась елочка». Потом тех, кто пел, отпустил, а кто не пел — оставил стоять. Морозов ушел спать, но Александр Маркович поднял его и увел в умывалку, там он бил Морозова кулаками по животу. Это видели воспитанники... далее шел длинный список фамилий.

«Вот тебе и здрасьте, — подумал Диванов, — вот тебе и никогда не настучат на меня пацаны. И на Алексюху бывает проруха».

По этому вопросу, особо не разбираясь, разобрались быстро. Доказать вины не смогли, опровергнуть — тоже, поэтому предложили Кувалдину без шума и пыли написать заявление по собственному желанию. Желания он не выразил, но заявление после того, как припугнули следствием, написал.

С Дивановым тоже побеседовали, и очень доверительно.

— Вы в школе уже давно, — прилежной ученицей сложив руки на столе, сказала Татьяна Сергеевна, — и порядки местные вам уже знакомы. И в то же время — недавно, взгляд еще не затерт.

Расскажите о ваших впечатлениях. Только давайте достоинства оставим в стороне, нам о них уже ваша администрация столько наговорила — хоть к орденам представляй. Давайте о недостатках. Вы видите, я ничего не записываю, разговор наш — строго конфиденциальный и непротокольный.

Но Юрий Викентьевич разоблачаться не стал, отвечал только на вопросы. Душевной беседы не получилось, а картина нарисовалась если и не радужная, то вполне обыденная. Работа как работа. На его сменах выпивших режимников не было, а за другие он ответа не несет. О претензиях воспитанников слышит впервые. Говорил спокойно, но внутренне подрагивал: а какую вязь плели пацаны, которых одного за другим выдергивали на собеседования?

Второй удар был неожиданным для всех: прямо на работе арестовали шеф-повара — долговязого бывшего кока. Выяснились две неприятные для администрации вещи. Во-первых, повар был когда-то судим, а сотрудников с подобным прошлым принимать на работу запрещено, во-вторых, он оказался педофилом. Ситуация — серьезней некуда. Не было новостью, что многие детишки еще до школы становились петушками. Некоторые из них делали это с удовольствием, другие — по принуждению, между собой, когда могли, баловались, но чтобы так!

А повар был отменный! Какие он праздничные столы устраивал — сказка. И все из самых обычных продуктов. Не было у него затертых «оливье» или селедки под шубой, но каждое блюдо было шедевром.

Митька Иванько был его любовью. То-то он по случаю и без случая напрашивался на кухонные работы, а возвращался то со сгущенкой, то с печеньем и непременно с сигаретами. Кто Митюху сдал — неизвестно, но на первом же допросе он раскололся, за что в тот же вечер был жестоко избит: кока пацаны ценили и уважали.

Впрочем, до суда дело не дошло. Иванько от своих слов отказался, а другие наложники (если и были) и вовсе не подписывались.

Каратаев по-прежнему держался барственно, но люди, близко знавшие его, чувствовали нервозность. Да и то — скандал вселенский. У себя собрал планерку режимников, публично

наорал на Евгения Александровича и предупредил всех, что по ночам он на проверки ездить не будет, но каждый, у кого утром обнаружится перегарный запах, получит в поощрение трудовую книжку с веселой цифрой 33. Гусев в свою очередь устроил разгон у себя в кабинете, вкатил по замечанию под роспись Железняку и Островскому и на этом успокоился. Не первый накат и не последний. Человек ко всему привыкает.

Только Хаджи Саидович был спокоен. К его службе претензий не было. Или почти не было. Походил министерский проверяющий по внеклассным мероприятиям, сделал несколько замечаний, традиционно повосторгался хором Неронова. Все.

К учителям тоже не цеплялись.

Тем не менее резюме оказалось разгромным: тут и развал кадровой политики, и ослабление служебной дисциплины, и бесконтрольность воспитанников. Директора поставили на вид.

В школе появились новые люди. Не то чтобы коллектив сразу оздоровился или хотя бы сколько-нибудь изменился — почуялось свежее дыхание. Если у Диванова до сей поры был один приятель, с которым он мог говорить по интересам, — Валя Граббе, то теперь объявился Эрик Матфеевич Калугин, с которым Юрий Викентьевич сразу подружился. У Калугина был один немаловажный для русского человека недостаток — он не пил. Никогда и ничего. Но собеседник превосходный. Он свою точку зрения (и что важно — она у него была!) не навязывал, а как бы оттачивал в разговоре. А еще он умел слушать — достоинство редкое по нашим временам, а потому особо ценное. Они с первой встречи перешли на ты.

— Я скажу Гусеву, если ты хочешь, — предложил Диванов, — чтобы он тебя в мои смены ставил. Не против?

— Нет, конечно. Учиться лучше у понимающих тебя людей.

На Рождество Христово Валентин Яковлевич Граббе принес бутылку «Токайского».

— Ты с ума сошел, — попенял ему Диванов. — Сколько я говорил, чтобы на работе ни-ни.

— А мы по чуть-чуть. Праздник.

Юрий Викентьевич церковных праздников не

отмечал да и не знал. И откуда ему знать было? В семье религиозные темы если и обсуждались, то исключительно в атеистическом толковании.

Но неожиданно Валентина поддержал Калугин.

— Это один из самых значимых праздников у всех христиан, и по маленькой рюмочке — можно.

Двум вещам поразился Диванов: еврей-христианин и непьющий Эрик Матфеевич с рюмкой в руке.

Выпили они и на самом деле чисто символически, а потом долго слушали рассказ, как Калугин (с молодых ногтей атеист) обрел веру и как преследовались религиозные обряды у них на зоне.

Теперь они частенько собирались после полуночи втроем в комнате отдыха, пили крепчайший чай и судачили на различные темы, чаще — политические. В это время детишки уже спали, на коллективах непременно кто-то оставался, ничего горячительного на столе не было, и у любой самой неожиданной проверки не нашлось бы ни слова претензий.

Засиживались подолгу, бывало, и до утра, но разрешить все кровоточащие проблемы не успевали. Это было время кухонного диссидентства.

Вскоре выяснилось, что у Эрика оно было не только кухонным. Сам Калугин этого не выпячивал, но информация крупными проскальзывала.

— Вы не заметили, судари, — скажем, многозначительно спрашивал он, — маленьких нестыковок в биографии нашего вождя Леонида Ильича? По ней он — потомственный пролетарий. Отец его якобы чернорабочий, а социальное положение в те времена определялось по родителям. Так вот, папаня — самый что ни на есть распролетарий, а сынишку каким-то неведомым образом пристроил учиться в гимназию! Каково? И еще. Для вступления в партию большевиков нужно было набрать кандидатского стажа рабочим — шесть месяцев, крестьянам — год, а будущий маршал-президент-генсек отсидел в кандидатах два года. Как служащий. Такая вот история, судари.

— Как же тебя на работу взяли? — поразился Валентин, узнав, что Эрик оттянул четыре года в

мордовских лагерях. — Недавно у нас такой кипеш был: директору вломили за то, что взял повара с судимостью.

— Брось, Валя, не за то ему вломили. А в Мордовии, если я не ошибаюсь, политзеки? Что же ты такого противогосударственного свершил?

— Об этом как-нибудь потом, судари. Время не пришло, — не пошел на откровенность Эрик. — А судимость свою я при поступлении не скрывал, она у меня снята.

Он, как понял Диванов, любил подпустить туману именно недосказанностью, оставляя полужелание на доосмысление.

— А вот вам мысль на разминку мозгов. Что бы вы сказали о некоем клубе или библиотеке, где можно было бы ознакомиться с не всем доступной информацией, литературой?

— Тайное Северное общество? — усмехнулся Граббе. — И в поощрение от трех до пяти по ленинским местам? Да никакие общества-клубы-библиотеки не шлохнут монолит, именуемый Советским Союзом.

Диванов дипломатично промолчал, а Эрик Матфеевич непринужденно перевел разговор на школьные проблемы, благо — тема неисчерпаемая, а он — человек в системе новый, необкатанный.

Юрий Викентьевич сидел за заполнением строёвок, когда на проходную влетел, едва не рухнув на пол, Генка Ломовой, за ним — разъярённый Калугин.

— Что случилось? — перепугался Диванов.

— Вот, полюбуйте на местного диссидента, — свирепел Эрик Матфеевич. — Расстрелял вождя мирового пролетариата.

— Это как это? — не понял старший дежурный.

— Из резинки алюминиевой пулькой. Выбил глаз.

В игровой комнате был стенд с фотографиями членов Политбюро, а над ними — портрет Владимира Ильича. В него-то и произвел свой сараевский выстрел новоявленный Гриша Принцип.

В школе время от времени вспыхивали эпидемии дурацких развлечений. Сейчас была пора резинок, отчего у многих воспитанников трусы подвязывались веревочками.

— И чем же тебе Ленин не угодил? — едва сдерживая смех, спросил Юрий Викентьевич.

— Нечаянно я, — пробормотал Генка. — Не хотел. В Иванюху метил, да промазал.

— А если бы ты Митьке в глаз попал? А не Ильичу? — опять всполошился Калугин.

— Ладно, Эрик Матфеевич, возвращайтесь в коллектив. Я с этим контриком разберусь, — приказал Диванов. — А ты, Робин Гуд, садись и пиши объяснительную.

За полуночным чаем Диванов спросил Эрика о причине столь бурной реакции на проступок Ломового.

— Упаси, Господи, дойдет дело до гэбья — лопа той дерьмо не отгребешь. За меньшее затаскивают. И еще вменят — научил. Портретик там придется заменить, не подправишь.

— У завхоза в подвальчике такой же висит. Давай заменим. Она хучь и баба, но с понятием.

Портрет заменили, но скрыть происшествие не удалось, и Диванов еще раз убедился, что в школе все прозрачно.

На сей раз вопль подняла Галина Павловна, усмотревшая ущерб в рамке. Гусев провел скоротечное расследование, установил виновных и наказал Диванова с Островским. Эрик Матфеевич по мизерности стажа работы остался в стороне. Впрочем, дальше школы дело не пошло.

Паша Островский на второй выговор за две недели обиделся и написал было заявление об уходе, но Евгений Александрович уверил его, что брань на восток не виснет, и Паша передумал. Да и где еще найдешь такую работу, чтобы тебе за пятнадцать ночей пусть не очень комфортного сна платили деньги. Не великие, конечно, каких-то девяносто рублей, но и они на дороге не валяются, тем более что каждый из ночных имел дополнительный приработок на стороне.

Эрик Матфеевич за отведенный от него удар преисполнился вагоном благодарности к Диванову, выраженной крайней степенью доверия.

— Я слышал, — сказал он как-то, — ты в совершенстве знаешь английский?

— Спикаю чутка.

— Можешь мне перевести? — Эрик протянул несколько листов, вырезанных, похоже, из журнала.

Юрий Викентьевич пробежал глазами по тексту.

— Ну, ты даешь, дружище! Это же чистейшая антисоветчина. Неужели наши ребята так звер-

ствуют в Афгане? И столько жертв? Свежо предание, но верится с трудом.

— А я, сударь, склонен верить. Вот помяни мое слово: жертвы там будут неисчислимые, и унесём ноги с позором. Как американцы из Вьетнама. Так переведешь?

Диванов перевел и даже отпечатал на своей допотопной «Москве». Один экземпляр оставил себе, ничего не сказав Эрику. А тот и не спрашивал.

С Эриком Матфеевичем в смену шли неохотно: он не пил и разговоры вел неинтересные, а потому и отправлялся чаще всего на третий этаж. Там один отряд, причем из самых смиренных, поскольку за провинность с отягчающими немедленно производилась ротация.

Калугин быстро вошел в курс дела, но его смущало некое обстоятельство, которому он искал оправдание, и выходило оно неуклюже. Когда-то в Мордовии он был надзираемым, а здесь оборотился в надзирателя. В защиту (только самому себе!) он примысливал, что школа — не из пенитенциарной системы, а режимник здесь — вроде ночной няни. Со спецификой, конечно.

На вторую неделю его работы случилась у него стычка с Галиной Павловной. Женщина некрасивая и необразованная (десять классов и курсы пионерских вожатых), она утверждала себя криком. Никакая и ничья логика не могла ее переубедить. Только одно — еще более мощный крик. А если с матом, то победа была окончательной.

За баловство в спальне после отбоя поставил Калугин отряд постоять в игровой. Практика общепринятая. За время стояния у одного из воспитанников обнаружилась вошь. Не зная, что предпринять, отправил Эрик Матфеевич отряд по койкам, а в спальне нашлись ножницы, и зараженного остригли. А утром — землетрясение, цунами.

— Вы не имели права их ставить! — кричала Галина Павловна. — И вшей быть не может! Я сама всех проверяла!

Растерянность Калугина была недолгой.

— Вот вы и напишите докладную директору, — тихо сказал он. — А заодно отметьте, откуда у детей ножницы в спальне.

Эффект был круче крика. Никаких доклад-

ных писать она, конечно, не стала. Себе дорожке. И с тех пор вела себя с Калугиным вполне корректно.

В изящном и редком на ту пору дипломате Калугина кроме ужина всегда находились паратройка книг и с десяток листов тонкой папиросной бумаги чего-нибудь самиздатовского.

Сегодня на проходной чай не пить — Диванов в отпуске. Старшим — Коваль, а с ним отношения еще не сложились и, судя по всему, не сложатся никогда, потому как жена его — прокурорский работник. На втором этаже — Железняк и Островский — не его поля ягода.

Было в Калугине нечто высокомерное, внешне никак не проявляемое, но людьми чувствительными определяемое на нюх. Толстокожие принимали его за своего парня.

К двадцати двум отряд угомонился, Эрик Матфеевич включил дежурное освещение и достал «Траву забвения» Валентина Катаева, которого терпеть не мог за барство и растраченный на заказные большевистские поделки талант. Но — врага надо знать в лицо.

Ближе к полуночи в дверь постучали. Явился Коваль с проверкой. Не сидится ему на проходной.

— Как дела у вас? — спросил он, бодренько потирая руки. — Все в порядке? Н-да, у вас всегда порядок. Что почитываете?

Прошел по спальне, пересчитал, осторожно приподнимал одеяла, если воспитанник закрылся с головой: не кукла ли.

— Все замечательно. Чайком не угостите? Пакет дома забыл.

Это было в его натуре: забыть еду и сигареты.

— Я еще не грел, — ответил Калугин. — Подождете?

Что было в Эрике Матфеевиче такого, отчего все обращались к нему на «вы»? Пожалуй, умение держать дистанцию.

За чаем Иван Андреевич сетовал на убогую систему просвещения, говорил о проблемном сыне-третьекласснике.

— Каких трудов мне стоило устроить его в семнадцатую школу! — вздыхал он. — Английский — со второго класса, углубленное изучение математики, и ничего не хочет. Самостоятельно записался в конькобежную секцию, и

только тренировки на уме. Что делать? Силой не хочу, убедить — не получается.

— Вы себя вспомните в этом возрасте. Куда больше тянуло, за парту или на улицу?

— Не для того же я пристроил его в престижную школу, чтобы он превратился в лошадь на льду. Школа должна, просто обязана дать ребенку не просто знания, а — перспективу.

— В этом я с вами немного не соглашусь. Главная задача школы — создание элитарного, аристократического слоя общества. Вот для этого и нужны элитарные или, как вы говорите, престижные школы с великолепным подбором преподавателей. Основной минус всякой демократии, как и тоталитарного режима, — ориентация на среднего, отсюда безвозвратные потери интеллекта. Самое сложное — осуществить эту концепцию в сельской школе, где у ребенка нет выбора класса, а уровень преподавания — уровень ликбеза. Но и в любом классе главной заботой учителя должен быть первый ученик. Средний напрягается и будит свои способности или отбрасывается к слабым и остается за бортом элиты, а это двигатель, лицо общества — его ум, его таланты, его административные и технические гении. Извините, я, кажется, излишне выпендренно говорю, но это мое убеждение.

Ковалю тезис не понравился.

— Значит, по-вашему, общество должно разделиться на призванных и отверженных? На чистых и нечистых?

Эрика Матфеевича поразило знание оппонентом Библии, хотя бы понаслышке.

— Оно и так всегда разделено. Тут уж, сударь, ничего не поделаешь... Вы же не довольствовались школой по территориальной принадлежности?

— Вы в равенство и братство не верите? — провокационно перебил Иван Андреевич.

— А вы верите? — по-еврейски ответил Калугин. — И потом. Равенство хорошо в математике. А в социуме? Мы путаем равенство и равноправие. Это разные вещи, сударь. Я не могу сравниться с Жаботинским, сколько бы ни кидал штангу в спортзале, но должен иметь право попытаться это сделать. А для братства, как говаривал Достоевский, нужны, по меньшей мере, братья.

— С вами интересно разговаривать, но я не согласен. Сigaretкой не угостите?

Они вышли в умывальную. Эрик Матфеевич открыл окно. Ночной воздух веял сырým теплом — весна сей год ранняя.

— Я слышал, у вас редкая библиотека. Не принесете ли чего-нибудь почитать?

— Что вас интересует? — Калугин уже жалел, что так легко раскрылся, но не идти же на пятый.

— Что-нибудь такое, не очень распространенное. Солженицына, например. Или «Доктора Живаго»?

— Александра Исаевича могу только «Один день», а Пастернака у меня нет. Я думаю, сударь, в ведомстве вашей супруги найти эти вещи не проблема.

— А, ее литература мало интересует, — махнул рукой Коваль. — Но я к вам еще с просьбой. Звонил Евгений Александрович, просил вам передать, чтобы вы после смены зашли в детскую хирургию. Там Захар Кочурин оклемался, начал права качать, терроризирует и детей, и взрослых.

— Не могу. У меня масса дел.

— Не за так же! Смену лишнюю поставит или отгул даст. Он в этом отношении мужик порядочный.

— Все равно не могу. Впрочем, как детей сдам, позвоню кое-куда, и если там уладится — съезжу.

С Кочуриным история сложилась почти фатальная. Эрик Матфеевич детей знал еще не очень хорошо, но этот бросался в глаза своей уникальной забитостью — он был шестеркой у шестерок. Совершенно безвольный и безропотный, им помыкали все, даже те, кто никогда никем не помыкал — угодливое лицо и приниженная фигура как бы принуждали делать это.

Случилась история около десяти дней назад, опять же на смене Ивана Коваля, хотя в вину ему это не вменили. На коллективе дежурили Паша Островский и совсем юный Веня Большаков. Ему едва исполнилось восемнадцать, и он учился на втором курсе физмата. Трудился на поприще чуть долее недели и смотрел старшим товарищам в рот, все еще опасаясь малолетних преступников. На третьем этаже — Валентин Граббе.

Чуть за полночь нижние постучали верхнему в дверь.

— Валентяй, у нас все тип-топ, — сказал Паша. — Мы пойдем на первый пульку расписать, ты послушай, как у нас. В случае чего — стукни в стенку.

Граббе недовольно сморщился.

— После смены — в пивбар, — торопливо добавил Островский.

— Ладно, валяйте, только ключ от коллектива оставьте, мало ли что, я хоть проверю.

Позже, когда Гусев провел расследование, выясилось столько противоречий, что установить точную картину оказалось никак не возможно. Были допрошены все воспитанники всех четырех отрядов, дело распухло до размеров приличного романа и даже выявлен главный злодей — Генка Ломовой, но чего-то все-таки не хватало. Самое важное — не прояснилась причина, так сказать, мотив преступления, а то, что это было преступлением, ни у кого не вызывало сомнения. Одни говорили, что Захар заложил школьный актив, который почти в половинном составе ушел в самоволку (их, конечно, поймали, но кто настучал, осталось неясным до скончания дней), другие сообщали, что Кочурина хотели опетушить, но раб, подобно Спартаку, взбунтовался. Так или иначе, но избит он был до реанимации. Желудок, поджелудочная железа, селезенка, печень — все подлежало восстановлению. Били ногами, молотком, а Лом придумал прыгать с кровати на лежащую на полу уже бесчувственную жертву.

Валентин Яковлевич придремал на диване в игровой и сквозь сон слышал неясный шум, но долго не мог сориентироваться, а когда очухался и чувство тревоги заползло в отупевший от третьей ночной смены подряд мозг, ринулся в свою спальню и только потом на второй этаж.

Но все было в норме. Граббе не стал включать свет, луч фонарика никаких нарушений не выявил, но не понравилось ему неровное дыхание спящих в спальне шестого «а». Валя осветил окна — стекла и решетки на месте, а тут послышался стон. Откинул одеяло и оторопел: перед ним лежало что-то нечеловеческое. Лицо покрыто запекающейся кровяной коркой, синие руки безвольно лежали на животе — мальчик был без сознания.

Решение пришло мгновенно. Он выбежал в игровую, включил полное освещение и отчаянно

застучал в дверь, соединяющую первый и второй коллективы, но навечно заколоченную.

— Чего надо? — откликнулись оттуда.

— Бегом сюда! Бегом! ЧП!

А дальше — по спальням.

— Подъем! Подъем! Выходи строиться! — и все на грани истерики.

Островский с Большаковым прибежали споро. Коллектив, ёжась от холода, уже стоял.

— Мужики, надо «скорую» вызывать!

— Да что случилось-то?

— Гляньте в шестой «а»!

— Кто, паскуды? — заорал Паша.

Валентин слушать разборки не стал — побежал на проходную.

Через полчаса Кочурина увезли. Граббе умёлся к себе, заварил крепчайшего чая и долго вышагивал туда-сюда по игровой.

Эрика Матфеевича никак не хотели пускать в хирургию, но стоило ему сказать, что он из спецшколы, как едва не на руках внесли.

Врач, стройная миловидная женщина, встретила его довольно сурово.

— Вы что же? Лечите у нас, — она поискала подходящее слово, — преступника, и никого ваших нет! Он устанавливает свои законы (или ваши, вам судить), третирует всех, никакого режима.

— Простите, — перебил ее Калугин, улыбаясь самой приветливой улыбкой, насколько она возможна после ночной смены, — как вас зовут?

— Эльвира Павловна.

— Давайте, Эльвира Павловна, где-нибудь присядем, а то я устал, с ночи.

Эрику Матфеевичу почудилось, что врач смутилась. Смущенный врач — явление не рядовое.

Рассказ доктора для спецшкольных ушей был ординарным. Захар вымогает деньги, отнимает передачи, а вчера сексуально домогался мальчика из соседней палаты.

Настал черед смутиться Калугину.

— Вы должны установить дежурство, — завершила Эльвира Павловна.

— Я передам ваше пожелание руководству. А сейчас мне необходимо с ним переговорить.

Кочурин еще спал.

— Поднимайся, разбойник, — почти ласково потрещал за плечо воспитанника Калугин. — Пора ответ держать за свои злодеяния.

Поднялся сразу, но не вдруг узнал и тут же едва не заплакал:

— Врут они все, я нормально... никого...

— Я тебе что-нибудь сказал? Вот, навесить тебя пришел, яблок принес. Любишь яблоки?

— Люблю.

— Рассказывай, как чувствуешь себя? Чем лечат? Не обижает ли кто?

Санитарочка, елозившая «лентяйкой» по полу, хихикнула.

— Да нормально все. Только говорят, что я кого-то там обижаю. Вы скажите им, что меня по жизни все достают.

— Скажу, Захар, обязательно скажу. И меры все приму, чтобы тебя никто не тронул. Я вот что придумал: Бориса Михеева направлю сюда, пусть присмотрит. Он сможет твоим обидчикам по шеям наkostenять. Как ты думаешь?

Кочурин проснулся окончательно, собрал всю жалостливость и умоляюще попросил:

— Не надо Боба. Я, это, сам разберусь.

— Ну, смотри. Я думал, как лучше. Но если Эльвира Павловна еще раз в школу позвонит — Боб встанет на твою защиту.

— Что вы за ересь несли? — уже за палатой спросила доктор. — Кто его обижает? Какой Боб будет его защищать и от кого?

— Боря Михеев — командир школы, а этот мальчик — самый забитый. Одного михеевского взгляда достаточно, чтобы дня на два Захар угомонился, а второго — на всё пребывание в больнице.

Парадоксы и метаморфозы. Эрик Матфеевич шел людной улицей, не замечая прохожих, и дивился преображению Захара. Едва вставший на ноги, выгашенный, почитай, с того света, униженный и оскорбленный уже своим рождением и каждым шагом незамысловатой жизни, Кочурин заделался тираном. Пусть ненадолго, пусть на три недели, но по-годуновски: хоть семь лет царства, но мои.

2003, февраль

На Сретенье из отдела боевой славы краеведческого музея была похищена коллекция

орденов и медалей, среди которых имелись и раритетные. Всё, как обычно: стоял музей на сигнализации, да не сработала она, числился и сторож в каморке, но то ли спал, то ли сам участвовал в похищении, поскольку следов проникновения не обнаружили. Никаких. И неясен был не то что час, но и день преступления. Выстраивалась лагуна с четырнадцатого по шестнадцатое — числа, когда никто толком не мог сказать, видел он выставляемые предметы или их уже не было.

Оперативная группа во главе с Сидором Петровичем Ивановым обнюхала, обшарила, обползала каждый квадратный сантиметр зала, начиная от входных дверей и до витрины, проверила все замки, ручки, шпингалеты, но следы взлома не проявились, и потому остановилась на трех рабочих версиях. Первая — сторож. Ночью открыл дверь и впустил злоумышленников. Вторая. Тать мог незаметно остаться в каком-либо помещении и опять же ночью забрать побрякушки — и был таков. И, наконец, третья, самая простая — кто-то из сотрудников. Были опрошены все — от директора до уборщицы, выявлены участники одной экскурсионной группы, побывавшей в музее в эти дни, но ни одно из розыскных мероприятий успеха не имело.

Петрович сидел за листом бумаги и вычерчивал линии на плане музея. Ни которая из версий не находила гармонического завершения. Сторож выпал почти сразу: он с медальной витрины пылинки сдувал, сам передал музею свой французский орден (воевал в Сопротивлении — Маки) и три трофейных немецких креста (не снятых, уверял он, а найденных в сорок четвертом) и завещал по смерти все отечественные награды музею. Версия осталась, но как тупиковая, и более не разрабатывалась. По второй крутили и так и сяк, но определить место, где мог спрятаться взрослый человек, не смогли.

— А почему взрослый? — спросил себя опер. — А пацан? Или какой недоразвитый?

Петрович терпеть не мог музейщиков. За всю жизнь он не посетил их столько, сколько за последнюю неделю родной краеведческий, в котором до этого побывал лишь однажды, учась в пятом классе.

— Сидор Петрович, теперь вы наш постоянный посетитель, — улыбаясь совсем недружелюбно, встретил его директор.

— Что делать? А скажите-ка мне, есть ли у вас укромные места, где мог бы спрятаться подросток лет десяти-двенадцати?

— Да сколько угодно! — опять улыбнулся директор. — В зале, конечно же, нет, а вот... впрочем, и в зале есть: банкетки.

Вдоль высоких, метров двух с половиной-трех, окон стояли банкетки для отдыха приуставших ветеранов. Петрович подошел к одной, присел, подергал сиденье, и оно неожиданно легко поднялось. Второй край был на петлях.

— Зачем это вам?

— Не знаю. До меня еще были. При мне, к сожалению, ни одной единицы мебели музею не выделили. Иначе я давно бы эту рухлядь выкинул. А впрочем, они уже и не мебель — экспонаты.

— Влезет ли сюда мальчишка? — скорее у себя, чем у директора, спросил Петрович и наклонился, словно на себе хотел проверить предположение. Был он роста небольшого, но плотного сложения, поэтому примерка состоялась на глазок.

— Помещаются, — огорченно ответил директор, — гоняли их отсюда. Придет экскурсия, какой-нибудь шалунишка — прыг в нее, якобы потерялся. Учительница перепугается. В общем — хлопотно.

— Ну, и заколотите их! — рассердился Петрович.

Так родилась четвертая версия.

Через городскую инспекцию по делам несовершеннолетних Иванов затребовал списки малолеток, так или иначе связанных с преступными группировками. Их оказалось немного — шестнадцать человек.

Долго втроем совещались, куда поставить компьютер. Радикально настроенная мать предлагала передать сыну их спальню (она и была Максима до возвращения отца), но последний был категорически против, а решающий голос — всегда за ним.

— Будет он в туалет через нас шлындраТЬ, не хватало!

А дальше и спорить было не о чем — не на кухню же. Телевизор перенесли в опочивальню, но это не сильно огорчило мальчика.

Машина, конечно, не ахти, бывают лучше, и Макс за ними сиживал, но и IBM 486 пока потя-

нет. Крутых игр в нее не запихать, но кое-какие можно. Главное — своя.

— Доволен? — спросил отец, хлопывая по монитору. — То ли еще будет, если дров не наломаешь.

Мать нутром чувствовала, что между сыном и мужем есть что-то тайное, но особо не вникала и не паниковала.

— Теперь незачем с уроков сбегать да с одноруким бандитом тягаться — все равно у них не выиграешь. И мы не хуже других! — не мог угомониться отец, будто это ему подарили игрушку.

Жизнь в доме по возвращении отца сказочно переменялась. Макс и оделся, и перчатки появились, и рюкзачок. А то носил книжки-тетрадки в пакете. А главное — исчезли гунявые гости. Пьяные и вечные, как будто они здесь живут. Как ненавидел их Макс! Сколько раз они выгоняли его из дома, сколько убежал он сам... Днями еды, кроме как с пьяного стола, не видел, потому, может быть, и начал по рынкам и магазинам продукты воровать. Хотя, сколько себя помнил, никогда не проходил мимо плохо лежащих вещей и не считал эту работу хуже других. Побить, конечно, могли и бивали, но уроки шли впрок — он учился не попадаться. Теперь всегда было что поесть. Отец хоть и приходил домой выпившим, а то и пьяным, но всегда с харчами. Мать по-прежнему принимала тару на углу у магазина, мерзла, согревалась, как и раньше, но возвращалась домой одна. А теперь и телевизор, и компьютер. Клету ролики обещал.

У Буки Pentium накрученный, и на Максимо хвастовство он презрительно сплюнул:

— Бодяга! Ни хрена не загрузишь. Ладно, подарю тебе пару дискеток, у меня от старого остались.

После месячной давности событий отношения между ними стали холодней, хотя внешне этот холод вяло проявлялся.

— Уроки на нем можно делать? — спросил Макс.

— Не-а, — ответил Букин и честно добавил, — и на моем нельзя. Старшеклассники делают, но печатать нужно учиться. Муторно. Если по русскому упражнению наберешь — ошибки исправит. Калькулятор там есть, но лучше — в кармане. На урок машину не припрешь.

Настроение Федосеева потускнело. Он думал,

эта машина может все. Пусть не в отличники, но из двоек его вытащит.

Вера Васильевна при случае и без говорила, что Максим наконец-то взялся за ум и его можно некоторым ставить в пример. Кто такие некоторые, было непонятно. Юлька Свиридова взяла над ним шефство, и он регулярно списывал у нее домашние задания.

Перед последним звонком прямо с урока Макса вызвали к директору. Недоброе предчувствие заставило вздрогнуть. Шел, прикидывая, что он натворил в последнее время, и мозги не мог приложить.

В кабинете, придерживая обеими руками у живота кожаную папку, стоял высокий мужчина в длинном пальто. Максим не сразу и узнал его — давненько не встречались.

— Инспектор хочет поговорить с тобой, — вздохнула Людмила Ивановна.

Макс пожал плечами.

— Где мы можем побеседовать?

— Да хоть здесь, — устало предложила директор. — Вам все равно для... беседы педагогический работник нужен, так я им и буду.

Они сели за журнальный столик. Макс сразу устался в окно, хотя за ним ничего не происходило. Падая мелкий редкий снежок. Улица была почти безлюдна.

— Ты меня помнишь? Зовут меня Виктор Савельевич Курашов.

Максим не отреагировал. Странно, что инспектор ничего не записывал и ничего из папки не достал.

— Ты музеи любишь? — вопрос был неожиданным.

Максим отрицательно покачал головой и сглотнул слюну. Внутреннее напряжение наросло.

— А ходил когда-нибудь?

Теперь Макс кивнул утвердительно.

— Ты что, язык проглотил? — Виктор Савельевич по-доброму рассмеялся. — Или меня боишься? Я маленьких детей не кусаю. В краеведческом музее когда был последний раз?

— Недели две назад все четвертые классы ходили в музей на экскурсию, — вмешалась Людмила Ивановна. — В день освобождения города.

Следователь укоризненно посмотрел на директора и снова повернулся к Федосееву.

2003, сентябрь

– Интересно было?
 – Интересно.
 – А что больше понравилось?
 – Ну, оружие всякое...
 – Какое? Пистолеты? Автоматы?
 – Ага.
 – Потрогать не хотелось? Любопытно ведь в руках подержать?
 – Там потрогаешь! – Максим успокоился и взглянул в глаза Курашову. Они были холодными. – Я в ящике крышку приподнял, тетка так расшипелась, хоть убегай.
 – Максим! Подбирай слова, – опять вмешалась Людмила Ивановна.
 – Какой ящик?
 – А там такие сиденья, как ящики. У окна.
 – И что там было?
 – Ничего.
 – У тебя дед воевал? – неожиданно спросил Виктор Савельевич. – Медали у него есть?
 – Не знаю. Я и деда-то не видел, может, и воевал.
 Курашов еще поспрашивал-пораспрашивал и отпустил взмокшего Макса.
 – А чего вызывали-то? – уже в дверях спросил он.
 – Для профилактики.

В вестибюле у доски с расписанием его поджидала Юлия Свиридова.
 – Зачем тебя к директору? – строго спросила она, но ямочки на щеках улыбались. – Опять что-то натворил?
 – Мент разговоры разговаривал.
 – Милиция! – ужаснулась Юлька. – Что наделал-то?
 – Не цепляйся. Ничего. Профилактика какая-то. А ну их! Пошли.
 – Пойдем на конюшню? – предложила Юлька.
 Конюшня – их маленькая тайная страсть. Находилась она в полутора километрах, и посторонних туда не пускали, но их считали своими.
 – Ух вы, хорошие мои, – приговаривала Юлька, переходя от одной лошади к другой.
 У Макса сегодня с собой не было сахара, он давно не бывал здесь, и лошади презрительно пофыркивали, кося на неприветливого мальчика умными глазами.

Социальный работник Надежда Никитична сосбилась с ног, пристраивая Влада и Рому. Оба сироты. Куда им податься? Ни кола, ни двора, ни руки, ни плеча. Не на что опереться. Подсутилась и Лидия Васильевна, но хлопоты оказались с почти нулевым результатом: на работу им рано, в приличное ПТУ выпускника спецшколы ни за какие коврижки не возьмут.

Влада уже приняли в строительное училище (а куда еще после восьми классов? В другой интернат ни за какие блага!) на сантехника, но через неделю он вновь явился. Обижают его, мол, там, не кормят и отправляют на картошку. А он ее сажал?

Надежда Никитична съездила в училище и выяснила, что Влад проворовался, был на этом пойман и бит.

– Ты, дружок, – мило картавя, внушала ему социальный работник, – в устройстве и не нуждаешься. Ты сам себя пристраиваешь в СИЗО.

Влад только отхмыкивался.

С Ромой Костиным оказалось проще. Он не воротил нос от непрестижных учебных заведений и говорил, что ему по барабану, где год откантиваться – весной все равно в армию загребут, но его мама-наставница Гаева Лидия Васильевна была переполнена решимостью пристроить своего питомца куда попримечнее. И добилась-таки желаемого: мытьем ли, катаньем, но был зачислен Роман Алексеевич в педагогический колледж на графическое отделение.

– Оттуда тебя и в армию до двадцати лет не возьмут, я знавала, – говорила она не столько ему, сколько всему миру.

Костин почти каждый день приезжал в школу: там друзья не складывались, а здесь, как никак, четыре года прожил, из пацаненка в юношу вымахал.

– Ох, боюсь, не приживется он там, – жаловалась Лидия Васильевна Диванову. – Характер у него, как бы сказать, командирский, привык повелевать, а тут – первокурсник. Да и контингент в педучилище, то бишь, тьфу, колледже не тот. Непривычный. Ведь всю жизнь со шпаной!

– И сам шпана, – добавил Юрий Викентьевич и тут же пожалел.

– Что ты хочешь сказать? – отдельно произ-

несла она, и губы её истончились, а это указывало на приличную долю гнева. — Что моё воспитание, мое наставничество — псу под хвост?

— Перестань, — почти умоляюще прошептал Диванов, — все же видят, как Ромка переменялся за последние пару лет. И это все — твоя заслуга.

Завуч как быстро закипала, так немедля и отходила.

— Ладно, забыли. Может, Бог даст, и получится что-нибудь путное. Рисует он вполне прилично, с черчением — блестяще, компьютерную графику освоил.

Юрий Викентьевич согласно кивал головой, но скепсис подрагивал на его губах и раздражал Лидию Васильевну.

У Диванова было «окно», и они пили кофе в её уютненькой лаборантской.

— Вот ты объясни мне, Диди, ты в верхах вращаешься...

— Брось ты, в каких верхах!

— Не перебивай, а объясни, если сможешь и захочешь. Я на днях по телевизору смотрел передачу, там страшные цифры приводили, но производили их без страха, а так, походя. В стране пять миллионов безнадзорных детей. И слово-то для них новое нашли — безнадзорные! Столько же беспризорников было после Гражданской войны. Но тогда горячо любимый Феликс Эдмундович в пару-тройку лет с проблемой разделался, потому как большевики хоть и злыдни, но не дураки — понимали опасность. (При сей фразе Гаева сморщилась — не любила она разговоров о коммунистах-большевиках, поскольку сама возглавляла партийную организацию школы лет двенадцать бесценно.) Сейчас нашим никому не нужным детишкам от восьми до пятнадцати. Через десять лет — это уже пятимиллионная воровско-бандитская хорошо обученная армия. По численности — громаднее всех силовых структур вместе взятых. Тебе не становится страшно?

Судя по реакциям, а Диванов делился впечатлением со многими, страха ни у кого не было.

— Я, Юрочка, уже разучилась бояться. После нашей школы и так весь мир кажется преступным сообществом.

— Ладно мы с тобой, — Диванов разглядывал кофейный рисунок на дне чашки. — Мы люди хоть и не пожилые, но пожившие. А дети? А внуки?

— Ты, наверное, не о внуках хлопочешь, а о себе? Хочешь, в нормальную школу устроишь? Без проблем и с хорошей нагрузкой?

— Спасибо, меня на кафедру приглашают читать XVII век, — сказал и осекся — о подобных ангажементах начальству не говорят.

Но Лидия Васильевна на реплику внимания не обратила — мысли были в стороне.

— Я слышала, — вдруг строго спросила она, — у тебя роман с Екатериной Федоровной?

— Откуда? — искренне удивился Юрий Викентьевич. — Воистину, в нашем доме знают даже то, чего в помине не было.

— От верблюда. Есть хорошее правило: не гадь, где живешь, а ты забыл его.

Диванов забыл не только правило, но и августовскую ночь с Катериной. Помнил только стихи Вероники Гушновой. К поэзии он относился никак, а те трогали. Может быть, обстановка влияла или настроение. Или читала Катя как-то по-особенному.

Они нагнали Каратаева на автобусной остановке. Он стоял в стороне — высокий и грустный. Екатерина Федоровна его директором не знала, а посему и взгляд на него был отличный от дивановского.

— Сергей Сергеевич, — она обращалась, почему-то глядя в сторону, — мы решили посидеть у меня за салатиком. Присоединяйтесь.

Каратаев оживился, обвел взглядом не только их, но и всю ожидавшую транспорт толпу и легко согласился.

— Что ж, господа, устроим прощальный ужин.

Екатерина Федоровна жила в общежитии станкостроительного завода. Диванов, со студенческих времен не бывавший в общежитиях, был поражен легкостью пропуска.

— В былые времена, помню, документы требовали на вахте оставлять, — сказал он. — А в одиннадцать — рейд дружинников по комнатам для выявления сексуально озабоченных.

Сидели пристойно. Обстановка скромная, но уютная. Диванов обратил внимание на то, что книг по математике почти не было, зато во множестве — томики поэзии. И книги по искусству.

— Не зная вас, ни за что бы не подумал, что здесь живет математик, — комплиментарно сказал он.

— У вас ложное представление о математиках, — ответила она, перемешивая салат. — Сухарь, синий чулок и тэдэ.

— Мы приглашены на светский раут? — вмешался в разговор Неронов. — Давайте попроще. Где у тебя, Катенька, штопор?

Каратаев расположился в неглубоком и единственном кресле и перелистывал альбом с репродукциями Тулуз Лотрека.

— По-моему, Григ? — кивнул головой на музыкальный центр Неронов.

— Еще бы ты не знал, — лениво отозвался Юрий Викентьевич.

Ему казалось, что и Григ, и Лотрек, и томики полусотни поэтов — все нарочитое.

Кроме нелюбимого Дивановым «оливье» на столике дразнили нюх тоненькие ломтики сыра, ветчины и семги. Спасибо Каратаеву — это он прикупил вместе с молдавским коньяком. Диванов, как всегда, был на мели и едва наскреб по всем карманам, чтобы рассчитаться со Славянином за водку и бутылку красной «Монастырской избы».

Хоть и условились не говорить о работе, но, как водится, общих тем нашлось немного. Нерон был прав: Серёгу вновь понесло в сравнения при мне и сейчас. Тема неисчерпаемая. Раньше и конфеты были слаще, и водка крепче, и дети умнее.

— Хаджи сегодня приходил, — вспомнил Диванов. — И как ты, Сергеич, ругал теперешнюю школу.

— Много слышала о нем, — сказала Катерина. — Расскажите.

— Личность колоритная, — подмигнул Диванову Неронов. — Кто хоть раз с ним столкнулся, уже не забудет никогда. Толстый, малоподвижный, но огромной пробивной силы человек.

— Не человек он, — возразил Каратаев, поверчивая бокал с коньяком, — а скопление подлости.

— И это есть, — не успокаивался Славянин. — Но представьте себе: продать финнам валуны — до этого додумается не каждый!

Диванов тоже вспомнил пару анекдотов про Мамедова, и были они незлыми.

Славянин откровенно подраивал Каратаева, но тот настроен был благодушно.

— Жаль, что мы с ним не сработались, — уве-

ренно, даже с металлом в голосе, отозвался экс-директор, — такого бы бардака в школе не было.

— История не знает условного наклона, — авторитетно заявил Диванов. — А впрочем, жаль. Интересно взглянуть на альтернативные пути развития. Даже себя самого.

— *Серезжа ольховая, легкая, будто пуховая, Но сдунешь ее: все окажется в мире не так,* — пропела Екатерина Федоровна.

— Она еще и поёт! — в сердцах воскликнул Неронов. — Откуда в одном человеке столько талантов?! Катенька, Бога ради, еще что-нибудь для очерстневших спецшкольных сердец.

Хозяйка салона не жеманилась и спела «Миленька ты мой».

Настал черед восхищаться Диванову. Он, за редким исключением, не любил современные шлягеры и чем старше, тем больше влюблялся в народные песни, даже если они были немного псевдо.

— А теперь потанцуем, — приказала Катенька, и из колонок полилась мелодия оркестра Поля Мориа.

Приглашала сама, всех по очереди, но танцевала тяжело.

— Хорошо у тебя, — шепнул на ушко Диванов. — Уходить не хочется.

— А ты и не уходи.

Диванов остался.

— Я тебя почти полюбила, — сказала она утром.

— Спасибо тебе за эту ночь.

Утро выдалось туманным и промозглым. Диванов плелся по оживавшему городу и размышлял о предстоящем разговоре с благоверной. Ничего интересного не вырисовывалось.

— Ну, и кто же распространяет обо мне гнусные сплетни? — спросил Юрий Викентьевич и решил, что кроме Ростислава — некому. Или Катерина сама растрепала? Как о легкой победе над недоступным?

— Не важно кто! Было или не было?

Разборки с женой проходили проще.

— Послушай, Диди, если у меня появится любовница, ты узнаешь первой, — и не соврал, поскольку любовница — это нечто большее, чем случайная связь. — Ты лучше скажи, как умудришь-

ся так составить расписание, что при одиннадцати часах у меня три «окна»?

— Это, Юрочка, временное расписание. Через недельку я уберу твои «окна», хотя на вас на всех не угодишь.

Резко отзвучал звонок.

К уроку всё готово, можно не спешить, но Юрий Викентьевич поторопился распрощаться: разговор какой-то недобрый получался.

Возле кабинета, прислонившись к подоконнику, его поджидал директор.

— Вы позволите к вам на урок?

Дурацкий вопрос. По всем канонам Диванов мог и не позволить: о посещениях предупреждают заранее, но не посылать же начальство куда подальше. Себе дороже.

— Всегда рад, — церемонно ответил Юрий Викентьевич и даже слегка поклонился, открыл дверь (классы всегда запирались на ключ) и пропустил Залетаева.

— У вас к этому занятию доска подготовлена?

— Разумеется.

— Позвольте ваши планы.

Опять не по закону. Планирование обычно смотрят при разборе полетов и в тех случаях, когда урок не удался.

Но Диванов на проверках собаку съел, его не собьешь с наскоку. Тематические? Вот они, свеженькие. Поурочные? Будьте любезны! Не первой, конечно, свежести, трех-четырёх лет, а подкапаться сложно: набраны на компьютере, отдельными листами, все чин-чинарем.

За дверью послышался шум — пришел отряд. Диванов вышел.

— Юрий Викентьевич! Девятый класс на урок истории построен, — отрапортовал командир.

Лихой отряд: командир и боец.

Передавала класс биологиня. Она вручила журнал и пожаловалась:

— Шобутные они сегодня. Два человека, а устала, как с сорокью... сороками. Никак не сосредоточить.

Диванов глазами показал на дверь.

Поняла и умелась.

— Гражданская война в Северо-Американских Соединенных Штатах, — с места в карьер начал Юрий Викентьевич. — Аввакумов — к карте.

Урок катился ровно. На Диванова присутствие

проверяющих действовало двояко: он или тушевался, или вдохновлялся. Сейчас было ни сё ни то. И дело не только в том, что он не любил американскую историю и слабо знал её (конечно, знал, но его интересы по теме дальше журнала «История в школе» не шли), но и в том, что не воодушевлял его директор. Сидел со своим неизменным журналом, делал какие-то пометы и на ход урока, казалось, внимания не обращал.

Юрий Викентьевич глянул на часы: до звонка оставалось пять минут, а тема исчерпывалась. Нужен был ход.

— А теперь поговорим о территориальных приобретениях молодого государства, — нашел его учитель. — Давайте поразмыслим: правильно ли поступила Россия, продав Аляску?

Тут и Олег Дмитриевич встрепенулся, вмешался в разговор, и уже после звонка был вынесен вердикт:

— Не правильно, а преступно.

Диванов ухмыльнулся и захлопнул журнал. Он так не считал — если бы тогда не продали, позже отняли бы за фук, но выносить свой приговор не стал: детский был патриотичнее.

— После уроков зайдите ко мне, поговорим, — сказал директор.

На последнем часе Юрий Викентьевич задал самостоятельную работу и задумался. За всю новейшую историю это было второе директорское посещение, и оно что-то обозначало. Но что? Никак не придумывалось. Методистом шеф был никаким, а посему профессионально раздолбать урок — это едва ли. А если все-таки раздолбать, то с какой целью? На какую перспективу? Уволить? Не тот путь. Чтобы доказать профессиональную непригодность — год уйдет. С десяток проверок и пачка бумаги. Премияльные скинуть (директорские, поощрительные или как их там?) Тоже можно много проще. Так ни к чему и не придя, в волнении жутком вошел он в кабинет Залетаева.

— Я вас долго не задержу, — Олег Дмитриевич заглянул в свой кондуит. — По уроку у меня претензий нет, все прекрасно. Есть штришок по дисциплине. Очень свободно себя чувствуют наши вьюноши. Особенно — Аввакумов. Эти передвижения по классу, реплики с места — нарушают течение урока. Вы умеете держать

класс в узде, значит, послабления сознательны? Или я ошибаюсь? Ведь парочку раз они вас с основной мысли сбили.

Диванов не выдержал — рассмеялся.

— Да как же еще с двумя работать? Без вас мы еще раскрепощеннее. Урок чаще идет в форме беседы. Они считают себя вельми взрослыми и многознающими, а меня старым и отсталым, и я их не разубеждаю, и получается разговор почти на равных. Никитина, правда, какой методой не учи — толку ноль, а из Протопопа кое-что слепить можно, но ветра много в голове.

— Из кого? Протопопа? — директор улыбнулся. — Этот еще святее.

— Насчет святости не знаю, но парень способный.

— Я вас убедительно прошу на пару недель умерить либерализм. Нас ждет комплексная проверка, и, боюсь, хвосты нам будут накручивать по всем службам и по полной программе.

«Вот где собака зарыта, — подумал Диванов и успокоился окончательно. — Директора приходят и уходят — мы остаемся. Под четвертым живу. Бог не выдаст — и пятый не предел».

— Как скажете, Олег Дмитриевич.

— Надеюсь, с другими отрядами у вас постороже?

— А как же! — уверенно ответил Диванов.

В вестибюле его подждал Аввакумов.

— Как разбор полетов, Юрий Викентьевич? — почти развязно спросил он.

— Ты, Глебушка, уж совсем запанибрата. Дистанцию теряешь. А разбор — нормально. Ты чего здесь?

— За вас переживаю.

— Спасибо, отроче. Не стоило. Пошли.

Глеб с этого года командир школы, и у него свободное хождение. Он им не злоупотребляет, но, скорее всего, не из врожденной скромности, а по причине неполной адаптации. Как говорят современные стилисты, еще не совсем вошел в тему. Рома два года непрерываемо авторитетил, и заменить его в одночасье сложно. Требовалось время.

На крыльце Аввакумов шепотом попросил:

— Юрий Викентьевич, дайте, пожалуйста, сигарету. Взаимы. Мне сегодня принесут.

— А я-то думаю, чего ты переживаешь? — ус-

мехнулся Диванов. — А ты просто-напросто меркантилен.

О меркантильности Глеб не понял, но смотрел умоляюще.

— Ладно, держи.

Уже сидя в «маршрутке», Диванов вслух рассмеялся. На него покосилась девушка, сидящая рядом, и на всякий случай отодвинулась.

«Когда же я так рухнул? — думал он. — Вот и воспитанникам даю сигареты. Или Протопоп уже большой, ему можно? Как-никак семнадцатый год... И что с того? А директор-то спохватился! Сколько он уроков должен в месяц посетить? Пожалуй, Диди ему отплатит».

С весны велась необъявленная война между Залетаевым и Гаевой. Он любым способом хотел избавиться от завуча, но зацепить её было сложно: учительский коллектив стабильный и дисциплинированный, на школу приходилось меньше всего детских правонарушений. Сама же Лидия Васильевна — воплощенная Педагогика. Но если нельзя в лоб, можно с обхода, и Залетаев самолично внес в министерство предложение о совмещении должностей завуча и заместителя по воспитательной работе. Это и было бы недурно: при полсотне детей шефа окружало пять заместителей! Роскошь только богатейшей России позволительная. Но душа шефа радела не за бюджет.

Лидия Васильевна внимательно следила за подковерной борьбой и готовила контрвыпады.

1980, сентябрь

Вечерняя планерка, несмотря на обычное Многогословие Федора Ильича и обилие проблем, всегда возникавших в начале учебного года, прошла делово и скоротечно. Сергей Сергеевич потянулся в кресле.

Пролетело уже две недели учебного года, период шатаний и брожений заканчивался. Из отпусков не вернулось трое воспитанников, но уже сделаны запросы, и дня через три-четыре все будут в школе, посему в побеге никого не числили.

Педагогическая машина набирала обороты, хозяйственная служба готовилась к зиме, главное, уголь в достатке завезен, с кадрами — комплект, и поводов для дурного настроения не было.

И тут Сергей Сергеевич заметил, что его заместитель по воспитательной работе не ушел вместе со всеми, а сидел в уголочке, эдак скромненько сидел, что было ему совсем не присуще, при его властности и тучности. Обыкновенно он был замечен даже в свое отсутствие. Тень оставалась, что ли?

Каратаев побаивался своего зама, хоть вида и не подавал. Только слепой, глухой и равнодушный не видел и не слышал, что ближайшей и важнейшей целью Хаджи Саидовича Мамедова было директорское кресло. Он уже подселел двух своих начальников, это с его подачи сложилось так, что руководитель школы больше, чем на два года, не задерживался. Да, пожалуй, и не стоило. Как любил повторять подчиненный друг Мамедова Федор Ильич, через пять лет любого педработника спецухи нужно отправлять в психушку. Но занять директорский кабинет у него не получалось, почему-то приходили другие, а Хаджи Саидович всё оставался замом. И каратаевский руководящий стаж еще в прошлом году перевалил за роковой двухлетний рубеж.

— Что? Проблемы, Хаджи?

— Если и проблемы, то приятные, — Мамедов говорил с заметным кавказским акцентом, повадками и ровным голосом явно подражая своему кумиру Иосифу Виссарионовичу. Он даже однажды его портрет повесил у себя в кабинете. Но после внеплановой министерской проверки снял.

— Ну, давай решать... приятные проблемы. Словосочетание-то какое! Впрочем, проблемы все приятны, если они решаемы.

— У меня, дорогой, сегодня небольшой праздник. Предлагаю посидеть, покушать.

— Что, рамазан какой-нибудь?

— Обижаешь! Ты же знаешь — я неверующий.

«Ага, — подумал Каратаев, — поймать бы тебя за мусульманским обрядом, сразу бы вылетел не только из замов, но и простился бы со всей системой просвещения. Даже дворником не взяли бы».

Зацепить правоверного было нечем, а в ином случае давно бы трогательно распрощались. Хотя чего греха таить, организатор Хаджи был, каких поискать. И взрослых в узде держал, и пацанов.

— Отправь кого-нибудь в лавку. Посидим у

меня, поокаем. Ильича пригласим. Вот его и отправь.

— Нет, дорогой. Поедем ко мне. Жена стол накроеет. Глаз и ушей лишних не будет.

А на дворе — какой сентябрь? — лето! Не вымученное бабье, а самое натуральное, с теплом, даже ночным, уже не назойливым, не жалящим, а ласковым, комфортным. Осенью ничуть не пахло. Пацанов еще водили на городской пляж, а грибки балдели от изобилия белых и с презрением отворачивались от подберезовиков и даже красноголовиков со шляпками больше рубля. Желтых листьев на деревьях почти не было, и на последнюю баньку срезал Сергей Сергеевич свежий дубовый веник, благо дубья этого росло на территории школы предостаточно.

Каратаев в светлой рубашке апаш и светлых же брюках, плечистый и стройный (в прошлом боксёр), был как бы антиподом своего зама. Если Хаджи Саидович выходил из-за угла, то сначала показывался живот и только спустя тягостное время — он сам. На его круглом лице коротко подстриженные усы выглядели если и не комично, то не очень серьезно. Галстук на нем казался горизонтальным, а костюм — никогда не уютенным. Впрочем, и у Каратаева, давно повесившего перчатки на крюк и ничего тяжелее стакана не поднимавшего, тоже наметилось брюшко.

Школьный «москвичок» стоял на ремонте, автобус — в разезде, и пришлось соглашаться на общественный транспорт.

Хоть и садились они на конечной остановке, но из-за нерасторопности Мамедова спальных мест им не досталось и приходилось трястись на задней площадке, пока заокраинная пародия на асфальт не оборотилась более или менее приличной лентой городских улиц. Школа находилась на окраине окраины, и транспортные вопросы не всегда решались оперативно.

Жена у Мамедова маленькая, худенькая — подросток, да и только.

«И как она выдерживает на себе эту махину? — подумал Каратаев и усмехнулся, не в силах представить себе эту пару в постели. — Мезальянс. И что наши бабы находят в этих черножопых?»

Она — русская, но за продолговатые годы совместного проживания и повадками, и обличьем

стала походить на личико кавказской национальности. Каратаев не удивился бы, если бы услышал из её уст, какое там — кабардинское? осетинское? — наречие.

Звали её Виола Дмитриевна, она была незаметна и нема. Казалось, ничего в ней, кроме отчества, русского не осталось.

Стол накрыла в мгновение ока. По высшему разряду. Дырявый и слезистый сыр, ветчина и буженина, немного фаршированной в яйца красной икры и прозрачных ломтиков малосолевой форели. Огромным букетом манила из вазы свежайшая зелень. На блюде — груши, яблоки, виноград и еще какие-то фрукты, незнакомые Каратаеву.

— Который раз удивляюсь, — сказал Сергей Сергеевич, — в магазинах — шаром покати, а придешь в гости — стол ломится. Подскажи, дружище, твои грибные места, где твой Клондайк?

Скромничал директор. Его холодильник пусть и не скатерть-самобранка, но не пустовал и в самые постные дни.

— Хе-хе, — добродушничал польщенный Хаджи Саидович. — В наше нелёгкое время, дорогой, не магазин нужен, а база. В крайнем случае — товаровед магазина. Так и быть, тебе, как другу, скажу. Ты знаешь, что мамаша Борьки Михеева базой заведует на Фабричной? Вот и наматывай...

Хозяин лишил девственности бутылки «Посольской» и чешского пива и разлил водку по хрустальным стаканам. Скверная была у него привычка — пить стаканами. По сто пятьдесят граммов. Не любил этого Сергей Сергеевич, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— За что? — поднял благородную посудину Каратаев.

— За союз Кавказа и России.

Гость поморщился. Что-то в тосте ему не понравилось, и он не мог понять, что именно, но выпил.

— А почему Виола Дмитриевна не садится?

— Она на кухне поест. Стесняется.

В стеснение Сергей Сергеевич не поверил и еще раз поразился варварским порядкам в доме Мамедова.

— Но праздник же у вас! Я так и не понял, какой? Или секрет?

— Там и отпразднует. А какой праздник? Ты не поймешь. Он наш, кавказский.

После второго стакана Каратаев заметно опьянел, хоть и налегал на закуску, а Мамедову хоть бы что, только лицо покраснелось да глаза плутовато заблестели. Умеет пить.

Они курили здесь же, за столом.

— Как тебе Серов? — спросил директор о новом воспитателе.

— Я тебе анекдот про него расскажу. Коля до нас был директором восьмой вечерней школы.

— Знаю об этом.

— Слушай дальше и учись работать. Каждый год в конце августа он отправляет учителей комплектовать классы. На завод. Ну, профком там, партком, отдел кадров. Заявления — пачками. В классном журнале строчек для фамилий не хватает. И на этом работа на год прекращается.

Хорошим учителям — полторы ставки. А хорошие не только те, кто класс максимально укомплектовал, но и слетает в магазин за выпивкой. У Коли всегда в заднем кармане плоская фляжка с водкой, разбавленной сладким чаем. И он к ней время от времени прикладывался, даже на уроке.

Посещаемость — никакая, но к концу учебного года — почти полный сбор. Уж выпускников — точно. И такой кактус: выпускной вечер, всё торжественно. Николай Григорьевич фамилии называет, аттестаты вручает. Одного нет, другого. Коля с претензией к завучу: почему не обеспечили явку? Та жмет плечами, обращается к классной даме, но и эта не в курсе. И тут голос из зала:

— Дак они утонули в прошлом году.

Каратаев хохотал до слез. Трагедия погибших как-то не увязывалась в структуру.

— Третий том «Мертвых душ».

Под третий заход на столе появились голубцы.

— Это не капуста, — авторитетно заявил Каратаев.

— Это и не голубцы. Долма называется. А листья виноградные. К ней еще простокваша с чесноком подается, но я помню, ты молочное не очень.

— Ты заметил, как изменилась школа при моем руководстве? — Сергей Сергеевич любил прихвастнуть, причем не только в подпитии. — Шесть спортивных секций! Два чемпиона города по

боксу и один — республики! Среди школ-интернатов по футболу-хоккею мы первые! Хор мальчиков — лучший! Но это Славкина заслуга. А кто его переманил? То-то же!

— Никто твоих заслуг не умаляет, — Мамедов обращался к директору подобающе: голосом зама, но осанка была не меньше министерской. — Наоборот. Я думаю собрать педсовет в конце месяца и выдвинуть тебя на заслуженного. Каково?

Каратаев растрогался.

— Твой вклад не меньше, — решил он поделиться славой, словно ему уже присвоили звание «Заслуженный учитель республики». — На тебе самый сложный участок, и я не вижу никого, кто бы так мог держать в узде и детский, и взрослый коллективы.

Он не удержался, но тут же сморщился и сдержал смех.

— Ты знаешь, что тебя Берией называют?

— Знаю, — Хаджи Саидович неожиданно весело и искренне рассмеялся, — и горжусь этим.

Теперь не стал сдерживаться и Каратаев.

— Но Лаврентий Палыч плохо кончил.

— На меня Хрущев еще не родился. Но если серьезно — одно плохо: побегов много. Да мы и с этим справимся. Надо воспитателей крепче взять за задницу, а ты с ними миндальничаешь.

— Давай, действуй, даю тебе полный карт-бланш. Станешь современным Макаренко вкупе с Ушинским, приправленным Спинозой. А если серьезно, надо нам накапливать материал по нашей специфической педагогике и психологии. Ведь практически нет трудов, пустая ниша.

— Слабоват я в теории, не потяну.

— А у тебя Диванов есть. Он труды по истории пишет. Вот пусть и займется историей школы.

— Не нравится мне он. Какой-то не наш. Скользкий, — не стал Мамедов говорить шефу, что уже был разговор на эту тему и летопись местечковым Нестором уже пишется.

— Не раскусил ты его, приглядиись внимательнее. Он нам как баланс нужен. Для равновесия. Чтоб в один бок не тянуло. Пришлют либеральную комиссию — мы им Диванова, консервативную — Галину Павловну.

— Ну, усугубим? — спросил хозяин, меняя неприятную ему тему и открывая очередную «Посольскую».

— Нет, Хаджи, я уже тяжелый. Пора ближе к дому, к жене. Хотя она еще на работе.

— На посошок, за удачу и за нас с тобой — хорошие мы люди, — Мамедов возражений не принял.

Стол опять был полон закусками. Когда Виола Дмитриевна успела их поменять, Каратаев не заметил.

— А ты в черном теле жену держишь, — гостю стало нестерпимо жалко славянку, заключенную в семейное рабство, и он погрузился в семейное рабство, и он погрузился в семейное рабство, и он погрузился в семейное рабство.

Мамедов на реплику внимания не обратил.

Посидели еще с часик. Провели малое производственное совещание, на котором определили стратегическую перспективу развития школы, обсудили внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства, дружно ругнули Леонида Ильича за маниакальную тягу к коллекционированию орденов, выпили еще раз на посошок, после чего Каратаев долго и невнятно на кухне благодарил Виолу Дмитриевну, желая ей скорейшего освобождения от гнёта, и, не простившись ни с кем, ушел.

Хаджи Саидович Мамедов — человек вельми и весьма тщеславный. Никто не знал точно, может быть, даже он сам, как далеко простирались его честолюбивые мечтания, но стать директором школы было его ближайшей задачей, идеей фикс. Мамедовские цели оправдывали любые средства без оглядки на нравственную шкалу ценностей. Окруженный легионом стукачей (как детей, так и взрослых), Хаджи Саидович знал все. И не только по школе, но и, скажем, кто, с кем и как спит. На каждого работника, исключая, может быть, технических, Мамедов заводил досье, куда заносил все промашки коллег. И лежали они втуне до поры до времени, пока не требовалось приструнить, а то и уволить зарвавшегося не в меру. Ссориться с ним было — себе дороже.

А работник он исправный. По пятнадцать часов проводил, бывало, в школе. Случалось, нагрядывал и в воскресенье — свой единственный выходной. Жил работой.

Все его утра начинались одинаково — с докладов командиров всех рангов, между ними, чтобы не бросалось в глаза (но как бы не так!), просачивались стукачи, быстро выкладывали компру, среди которой частенько проскальзывала чис-

тейшая ложь — или самовыдуманная, или направляемая буграми. Крупицы информации сортировались, окучивались и прятались в досье.

Далее следовал обход спального корпуса, и пыливый старшинский взгляд Мамедова улавливал любую шероховатость, будь то заправка, уборка или даже настроение. Пусть сию секунду нагрянет самая дотошная комиссия — в спальном корпусе порядок, как на картинке журнала «Воспитатель».

Форма одежды для воспитанников в спальне была одина: трусы и майка. Тапочки. Несмотря ни на какую комнатную температуру, а она бывала по морозам довольно низкой. И если кто-то, пусть даже командир школы, вдруг обнаруживался в спортивном костюме, наказание следовало незамедлительно: сутки карцера. Воспитатель отделялся легче — выговором. Правда, без занесения. Карательные акции проводились в целях профилактики побегов и органами надзора если и не поощрялись, то и не преследовались.

Дети Хаджи Саидовича побаивались, а взрослые боялись откровенно. В нём власти было больше, чем в министре.

Проводив Сергея Сергеевича, Мамедов подошел к окну и слегка отодвинул тюлевую штору. Он видел, как его шеф остановился посреди тротуара, как безуспешно пытался прикурить, затем, изрядно пошатываясь, добрал до автобусной остановки, где и уселся за отсутствием скамеек на поребрик.

— Не джигит, — презрительно и вслух оценил состояние директора. — Далек не пойдет.

Потом по школе ходили упорные слухи, что это сам Хаджи Саидович анонимно вызвал милицию, и уважаемый директор не сильно уважаемой школы был препровожден в медвытрезвитель. Так ли было, не так — теперь этого никто никогда не узнает, но едва ли кто-нибудь удивился бы, узнав, что это так. Подлость она и в Африке подлость, но в спецшколе она в особой чести. Уми ты сегодня, а я — завтра. Этот лагерный закон здесь прикрыт маской радушия.

Трон под Сергеем Сергеевичем пошатнулся, но устоял. Сам министр жаловал директора, и место не слишком престижное.

Мамедов зачем-то ездил в министерство, якобы в отдел строительства и капитального ремонта, но на звонок Каратаева начальник отдела, его приятель, ответил, что Мамедов у него не появлялся.

Сергей Сергеевич вызвал зама к себе.

— Ты что, Хаджи, под меня роешь? — спросил он с улыбкой.

— Да упаси Аллах! — махнул пухлыми руками Хаджи Саидович. — Мне твое место и за награды не нужно. Мне и на своем, дорогой, тепло и сытно.

Внешне он был спокоен и добродушен.

— А к кому ты в министерство ездил?

— Да в отдел строительства насчёт сметы на ремонт канализации, но там никого не было.

— Ну-ну. Не твоё это дело — сметами заниматься. Есть для этого завхоз. Или тебе заняться больше нечем? Когда у тебя планерка с воспитателями? В среду? Без меня не начинайте, я приду.

Теперь вздрогнул Хаджи Саидович. Сказанное означало, что директор будет перелопачивать всю воспитательскую и внеклассную работу.

Разговор этот состоялся в понедельник, и Мамедов экстренно передал воспитателям, чтобы у каждого к среде были месячный, недельный и ежедневный планы работы. Те же требования к кружководам.

Пошла писать губерния. Молодые воспитатели роптали. Более остальных выходила из берегов Майя Алексеевна. Она работала всего третий месяц, на опасные повороты чутья еще не выработала да плюс считала, что за мужем лейтенантом милиции — как за каменной стеной.

— Это же глупо! — в открытую возмущалась она. — Зачем каждый день планировать чистку зубов или выход в школу? Это же всё само собой. Или я забуду их в класс привести? Или ещё это дурацкое триединство задач! Какую образовательную задачу я поставлю для обмывания водой по пояс? Или развивающую при мытье полов?

— Да брось ты! — урезонивала её опытная Галина Павловна. — Сядь и пиши, с тебя не убудет.

— Ага! И так рабочий день по пятнадцать часов получается, мало, еще на планы ночью парочку! Иванько! Кончай вертеться в ногах, пошел в спальню! — Майя Алексеевна поддала воспитаннику сапогом под зад.

— Что это вы моих ребят гоняете? — всколыхну-

лась Ирина Петровна. — В свою спальню загляните — сплошной бедлам.

— А зачем он здесь вертится? Потом настучит этому Оглы.

— Вас и без стука во втором коллективе слышно.

— Это верно, стучать не надо, — раздался голос Хаджи Саидовича. — Кому не нравятся наши порядки, милости прошу за трудовой книжкой. Ещё раз предупреждаю: у кого к среде не будет развернутых планов, готовьтесь расписаться за выговор. Я не пугаю и не угрожаю. Я советую.

Совет начальника — закон для подчиненных.

Майя Алексеевна смутилась: и как она не заметила столь крупную фигуру? А остальные? Наверно видели, да специально не дали знать. Только и думают, как подставить другого.

— А вы, товарищ Карпова, — обратился он непосредственно к Майе, — как освободитесь, зайдите ко мне в кабинет. И смените форму одежды — советский воспитатель в брюках не ходит. На танцульки — ваше дело.

— Слушаюсь, — ответила товарищ и присела в глубоком книксене. Юмористка доморошенная.

— Ох, доиграешься ты, — вздохнула Галина Павловна, едва за Мамедовым закрылась дверь. — Он жесткий человек, если не сказать — жестокий. Без соли съест и не поморщится.

— Бог не выдаст — свинья не съест, — и пропела свежую частушку:

*Моя милка, уезжаю
Я к душманам в Азию.
Потому последний раз
На тебя залазию.*

Но бог выдал.

— Давайте, товарищ Карпова, подведём первые итоги вашей деятельности, — предложил Хаджи Саидович.

Обращение по фамилии не сулило ничего приятного. Это как солнце вечером садится в тучу.

— За два месяца, — следовало продолжение, — четыре побега, восемь! — палец вверх — драк. В общем, налицо падение дисциплины, дорогуша.

— Я не дорогуша, — сказала Майя, но сказ получился шепотливый, или Хаджи Саидович решил его не расслышать.

— Вы, конечно, специалист молодой, вас ещё учить и учить, но вы же и учиться не хотите, всё встречаете в штыки.

Мамедов встал и прошел по кабинету. Сесть воспитателю он не предложил. Дошел до дверей, развернулся и начал рассматривать молодую женщину сзади. Хороша фигурка!

Карпова почувствовала взгляд и поёжилась.

— И как будем жить-быть дальше? — спросил Хаджи Саидович и положил руку ей на плечо. — Все вопросы решаются. Надо только захотеть.

Майю Алексеевну передернуло: намёк был более чем прозрачным. Говорят, в Штатах за такие намеки в тюрьму сажают.

Мамедов руку убрал и снова уселся в кресло. Глаза его блестели. Он какое-то время помолчал и срезюмировал:

— Вы женщина неглупая, идите — думайте, делайте выводы.

Майю всегда коробило это дурацкое обращение — женщина. А изо рта Мамедова оно даже пахло и пахло препротивно.

Она прошла в воспитательскую, села на диван и заплакала.

— Господь с тобой, успокойся, он тебя обидел? — захлопотала Ирина Петровна. — Хочешь чаю?

— Этот Оглы меня в постель тащил...

— Прямо-таки тащил?

— Не прямо, но намекал. Я мужу все расскажу, он с ним разберется.

— А ты не побрезгуй, — оторвалась от вязки кофточки Галина Павловна. — С тебя не убудет. Покатаешься маленько сыром в масле.

— Как вы можете так говорить! — от гнева и слезы высохли. — Нет, всё расскажу мужу.

— Напрасно ты это, — продолжила Галина Павловна. — У Саидовича в МВД все схвачено.

— А что делать?

— Ничего. Пиши планы и завтра приходи в юбке.

Митя Иванько намывал коридорчик и все слышал. Он в школе уже четвертый год, но в бугры так и не выбился: как был пришибленным шестом и стукачком, так ими и остался. По закону в спецухе воспитанники могут содержаться до пятнадцатилетнего возраста и не более трех лет, но Митяй написал заявление, чтобы ему позволили закончить восьмой класс

здесь. И ему позволили. Правильное решение: на воле он школу бы не осилил.

Еще до отбоя Хаджи Саидович знал о разговоре Майи Алексеевны с Ириной Петровной, но, встретившись с молодой воспитательницей, и бровью не повел. Не царское это дело — устраивать публичные разборки.

Плод должен созреть, а в том, что он созреет, Мамедов ни секунды не сомневался.

Среда не могла проскочить незаметно и без последствий. Сергей Сергеевич дотошно вчитывался в планы, сверяя их с общешкольным, и находил нестыковки и разночтения. Планерка, всегда деловая и краткая, растягивалась и вызывала недовольство отработавших воспитателей.

— А где руководители кружков? — спросил директор у безмятежного с виду зама. — Почему их нет на планерке?

— Мы с ними в воскресенье соберемся, после занятий. Зачем людей в нерабочее время дергать?

Дело, конечно, было не в заботе о людях. Просто планов работы у кружководов отродясь не водилось, и Хаджи Саидович взял фору в четыре дня, дабы заткнуть эту прореху.

— Ну, что ж! Приеду в воскресенье. А вы составьте мне докладную по планированию. Поподробнее. И сделайте анализ причин побегов. Что-то их многовато стало.

Задумался Мамедов, закручинился. Он уже жалел, что погнал волну против шефа, эта волна могла поглотить и его, но идти на попятный было не в мамедовских правилах.

Надо было срочно что-то предпринимать.

Через два дня, в пятницу, в побег ушли тридцать восемь воспитанников.

Такого массового побега не было года три.

Побег вызвал цунами. Больше сорока краж и два разбойных нападения совершили воспитанники за неполную неделю. Собирали их долго, и не все вернулись в школу. Двое получили путевки в спецПТУ, одного упрятали в СИЗО — всем им было по четырнадцать от роду.

Каратаева дней через десять вызвал министр, и вернулся он от него учителем физкультуры. Свя-

зи не помогли, и надо было трудоустроить одну высокородную даму.

В прошлом боксёр, Сергей Сергеевич умел держать удар. Собрал всех работников школы, поблагодарил за плодотворную совместную работу, сказал, что наконец-то впервые за долгие годы поспит спокойно. Потом сделал длинную паузу и, в упор глядя на Мамедова, продолжил:

— Заменит меня, — опять пауза, и все усталились туда же, на Хаджи Саидовича, уже видя в нем своего начальника, — Светлана Андреевна Личанская.

— Кто такая? — выкрикнул Железняк.

— Информация у меня неполная. Не наша, в смысле, не из нашего города. Её мужа, полковника КГБ, перевели в наш комитет. Впрочем, завтра мы соберем вас снова, и Светлана Андреевна сама расскажет, что сочтет нужным. А я пока готов выслушать ваши претензии. Может быть, я кого-нибудь обидел за минувшие три с лишним года. Прошу простить, если так.

Народ безмолвствовал.

Мамедов держался молодцом. Он знал о назначении Личанской задолго до Каратаева и уже успел напереживаться.

Первые дни новый руководитель ничего не менял, присматривался, принюхивался и вполне демократично советовался.

Диванов в кулуарном разговоре с режимниками аналитически заметил, что в директрисе непостижимым образом сочетаются два несовместимых качества: обаяние знающей себе цену женщины и жесткость следака ГБ.

— Она карьеру мужа дублировала. От лейтенанта до полковника.

Да и носила она чаще всего кожаную куртку времён комиссарш Гражданской войны. Походка стремительная, речь чёткая и лаконичная. Математичка.

Единственно, что она приняла со скрежетом — неувольнение Сергея Сергеевича.

— Двух директоров в школе быть не может! — как-то в сердцах бросила Личанская.

Каратаев отреагировал незамедлительно: зашел в бывший свой кабинет и скромненько встал у дверей.

— Светлана Андреевна, я заявляю вам официально, — сказал Сергей Сергеевич как можно

проникновеннее, но твердо, — что у меня нет претензий на ваше место. Но я очень много вложил сил и нервов для организации спортивной работы в школе и боюсь, что без меня она может развалиться.

Последовало длинное до неприличия молчание. Всегда уверенный в себе экс-директор слегка подрастерялся.

— Такой уж вы незаменимый? — усмешливо нашла что спросить Светлана Андреевна.

— В какой-то степени каждый человек незаменим. Должность заменима. Но это уже философия.

У директрисы удивленно вздернулись брови: не ожидала от физкультурника такого любознательности.

— Чего вы всполошились? Я против вас лично ничего не имею. Идите и продолжайте работать.

Каратаев уже взялся за дверную ручку, но остановился, полуобернулся и глухо изрёк:

— Опасайтесь не меня — Мамедова. Он очень рассчитывал на этот кабинет. И по-прежнему рассчитывает.

— Я знаю, но всё равно спасибо.

Внешне ничего не изменилось, но внутренние напряжения исподволь меняли свои векторы. Постепенно стало ясно, что высшим качеством работника была преданность директору.

Не все кинулись с низкого старта лобызать интимные места, и Светлана Андреевна оказалась не душой, но через пару месяцев нарисо-

вался совсем другой клан избранных и приближенных.

В этот круг, как ни странно, вкатился и Диванов, хотя вроде бы никаких усилий для этого не прилагал.

— Как обстановка? — спрашивала Личанская, вступая в половине восьмого на проходную.

Юрий Викентьевич докладывал, согласуясь с записями в «Журнале режима содержания», затем она подхватывала старшего дежурного под руку, и влюбленной парочкой (разве что не целовались) они шли осматривать печати на служебных помещениях: прачечная, склады, гараж, мастерские.

Ни до, ни после подобной процедуры не было. Впрочем, после и самих печатей не стало. Кстати-некстати, эдак под ручку она прохаживалась со всеми старшими дежурными. Или почти со всеми.

Эта приятная прогулка могла закончиться большой неприятностью, если Личанская через свою очень быстро налаженную агентурную сеть обнаруживала несоответствие утреннего доклада с действительностью.

(Продолжение следует)

Алексей ЛИВАНОВ

родился в деревне Крошнозеро

Пряжинского района Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Преподавал в школе.

Публиковался в поэтических сборниках:

«Трилистник», «Я волю дал любви», «Волны трав»,

в журнале «Север».

Живёт в Петрозаводске.

